

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	4
Десоветизация не пройдёт!	5
О коммунизме и марксизме — 20	16
Метафизическая война	30
Судьба гуманизма в XXI столетии	31

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Информационно-психологическая война	45
Поппер и другие — 8	46
Классическая война	78
Война нового типа	79
Социальная война	94
Болонская мина под отечественное медо- бразование	95
Мироустроительная война	110
Судьба «Талибана»	111

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Война идей	126
Гремучая смесь для Европы	127
Диффузные сепаратистские войны	141
Белоленточная угроза образца 2015 года	142

Колонка главного редактора

Десоветизация не пройдёт!

О необходимости создания гражданских комитетов в защиту советского наследия как фактора российского будущего

Лебедев В. В., 1920–21 гг.

Украинская десоветизация окончательно подтвердила необходимость защиты советского наследия, которое отстаивало, отстаивает и будет отстаивать движение «Суть времени».

Как известно из истории, далеко не все антисоветчики, в том числе и принадлежавшие к белой эмиграции, решились в той или иной степени поддержать нацизм и Гитлера после нападения Третьего рейха на Советский Союз. Те же, кто решились на это, обнажили свою сущность, показав, что она является не только антисоветской, но и в значительной степени антирусской. Разве это не очевидно, например, в случае Краснова, открыто требовавшего отделения от России некоей «Казакии», противопоставлявшего казаков русским, а значит, фактически ратовавшего за уничтожение любого целостного русского государства?

Увы, не только в те далёкие времена, но и сейчас определённый тип десоветизации предполагает полный крах целостной России. И именно

этот тип десоветизации сейчас навязывается Западом Российской Федерации и всем постсоветским странам.

Как мы неоднократно подчёркивали, такой тип десоветизации неминуемо приводит к реабилитации нацизма. Объявление коммунизма и нацизма равноценными и равно отвратительными — это коварная уловка Запада, прекрасно понимающего, что любое огульное отрицание советского наследия, в том числе и роли СССР в Победе над нацистским злом, неумолимо и неминуемо (порой вопреки воле отдельных инициаторов этой затеи) приводит и окончательно приведёт к реабилитации сначала нацистских приспешников (как бандеровских, так и иных), а затем и самого Гитлера как «главного борца с чудовищным коммунизмом». Обсуждение того, чем именно коммунизм был «чудовищен», в этом случае, разумеется, разбудит самые тёмные страсти и химеры из числа тех, которые обуревали бесноватого фюрера и его тёмных

учителей.

Какое-то время могло казаться, что данное утверждение представляет собой нечто умозрительное, а то и является элементарной торговлей страхом. Но Украина, к сожалению, стала социально-политическим экспериментом, неопровержимо подтверждающим справедливость нашего видения, кому-то представлявшегося теоретическим. Сопротивление бандеровцам на Украине сразу же приобрело — и это иначе не могло быть — характер защиты советского наследия. И наоборот, война с советским наследием теперь сразу же приобретает — и опять же иначе не может быть — пробандеровский, провласовский, в целом пронацистский, антидержавно-антирусский характер. Поэтому не надо быть сторонником всего советского, боготворящим всех советских лидеров человеком для того, чтобы самоотверженно отстаивать советское наследие в нынешней мировой ситуации. Вряд ли даже половина тех граждан

Украины, которые сопротивлялись «ленинопад-ду», преклонялись и восхищались Владимиром Ильичом. А часть сопротивлявшихся, например, казаки, имели все основания относиться к Ленину иначе. И тем не менее...

Российская власть, бросая вызов Западу, не может поддерживать десоветизацию, которую навязывают России её враги, ученики Аллена Даллеса. В противном случае власть окажется между молотом и наковальней. Она потеряет опору в лице тех, кто приветствует её решительный отпор Западу. А те, кто ненавидят власть за этот отпор, всё равно не полюбят сегодняшнюю власть никогда. Им нужна полная смена власти и фактический перевод страны под внешнее управление. А любая уступка власти их давлению воспринимается ими как проявление слабости со стороны власти и подталкивает к более решительным действиям, направленным на её снос.

Поскольку же снос власти в нынешней ситуа-

ции будет лишь прологом к развалу России и взятию населения, проживающего на её территории, под внешний контроль, то защита советского наследия — долг каждого гражданина, который он должен исполнить независимо от своего отношения к тем или иным советским фигурам, к тем или иным деяниям советской власти. Те, кто откажется от исполнения этого долга, как бы яростно они ни клялись в своей испулённой русскости, вскоре окажутся в лагере врагов русского народа и русского государства. Такова неумолимая логика нынешнего исторического процесса, не осознавать которую после произошедшего на Украине могут только граждане и политики, уклоняющиеся от исполнения своего настоящего гражданского долга.

Движение «Суть времени» призывает к созданию комитетов защиты советского наследства как фактора будущего. Мы ещё раз подчёркиваем, что наша решимость создавать такие комитеты не имеет ничего общего с оголтелым просо-

ветским ражем, со страстным желанием любой ценой восхвалять каждую крупницу прошлого. Мы понимаем, что антисоветизм в разных его обликах победил в 1991 году и продолжает занимать в постсоветской элите ключевые позиции. Однако, как говорят в народе, не до жиру, быть бы живу. Сейчас не важно, как с точки зрения ценностей и даже прагматики относится то или иное лицо к тем или иным «крупницам советскости». Сейчас намного важнее другое — то, что продолжение демонтажа советского наследия и любой его частицы, будь то название станции метро «Войковская» или название главной отечественной библиотеки («Библиотека им. В. И. Ленина»), является подыгрышем иноземному проекту десоветизации, бесстыдно и беспощадно обнажившему свою суть на Украине, показавшему, что его подлинная цель не совместима с какой-либо жизнью русского народа, с какой-либо русской державностью, и уж тем более — с русским суверенитетом.

Народная жизнь, жизнь державы и суверенитет — наше общее достояние. И мы все обязаны это отстаивать вне зависимости от того, как именно наша элита в лице её отдельных представителей, прикрываясь словами о правах человека, продвигает спланированные врагами России макро- и микропроекты десоветизации.

Никогда и ни при каких обстоятельствах мы, авторы этого Обращения, не будем осуществлять хоть сколько-нибудь неправовые действия. Все наши действия будут носить, напротив, подчёркнуто правовой характер. Более того, по всем вопросам, связанным с отпором Западу, с защитой нашего суверенитета, с построением сильного российского государства, с защитой человечества от так называемого Нового мирового порядка, мы будем на стороне власти, проявляющей — по крайней мере, сейчас — в этих вопросах достаточную конструктивность.

Но мы решительно не понимаем, как всё это, нами поддерживаемое, можно осуществ-

лять, поддаваясь при этом напору антисоветского меньшинства так называемых «приличных людей», в числе которых г-жа М. Чудакова, открыто заявляющая, что она надеется дожить до демонстра «Родины-Матери» на Мамаевом кургане, и г-н Ройзман, открыто призывающий студентов организовывать сопротивление «современному диктатору». Для нас совершенно очевидно, что г-да Федотов и Ко всей душой на стороне Чудаковой и Ройзмана, что все их провластные кривляния не стоят и ломаного гроша и что опереться на них при проведении любого патриотического курса категорически невозможно. Как вообще невозможно давать отпор Западу в его посягательствах на российский суверенитет, не опираясь на позицию большинства российского населения и не укрепляя всячески, причём настойчиво и решительно, свою связь с этим большинством.

Вот почему мы используем все свои возможности законопослушных граждан и патриотов,

все возможности российской правовой демократической системы для того, чтобы отстоять от посягательств «странного меньшинства» нашу позицию, которая, как показала практика, совпадает с позицией большинства населения. Исполнение воли которого представляет собой абсолютный долг любой демократической власти.

Сергей Кургинян

О коммунизме и марксизме — 20

Борьба человечности и предшествовавшего её возникновению всецельного звериного начала носит неотменяемый характер

Наскальная живопись эпохи мезолита. Пещера Ласко, Франция

Итак, Лафарг сначала говорит о бродячем племени, которое сходится вокруг огня, чтобы есть и спать. О том периоде, когда такое племя только перестаёт быть абсолютным кочевником и начинает строить жилище, являющееся общим достоянием для всего рода. Об очаге, расположенном в середине жилища, становящемся центром рода. И о роде, имеющем только одно жилище и один очаг в продолжение всей эпохи коммунистического быта.

Далее он описывает этот первично-коммунистический быт, который и по мнению самого Лафарга, и согласно данным тех исследователей, чьими материалами пользовались и Лафарг, и Энгельс, и Маркс, и многие другие, таит в себе некую переходность, то есть острейшую борьбу между ещё доминирующим звериным (или стайно-проточеловеческим началом) и ещё только формирующейся, робкой, крохотной и потому, казалось бы, несущественной человечностью. Которая в силу своей

новизны и наступательности всё равно уже на самом деле значит больше, нежели массивные и ещё недавно всевластные звериные и стайно-проточеловеческие начала.

Ведь в чём, по большому счёту, главная проблема, не позволяющая нам всем сбрасывать со счёта, отвергать или снисходительно похлопывать по плечу всё проигравший коммунизм в реально существовавшем, условно говоря, советском варианте, он же — коммунизм 1.0?

Главная проблема состоит в том, что борьба человечности и предшествовавшего её возникновению всесильного звериного начала носит неотменяемый характер. Она была яркой, страстной, наивной и до предела обнажённой в момент, когда начальная человечность стала оформляться в недрах звериного и стайно-проточеловеческого начала. Характерно, что она тогда оформлялась именно как коммунистичность. И тут совершенно не важно то, что эта коммунистичность была грубой, первобытной. Глав-

ное — что она, во-первых, была. И, во-вторых, ярко, страстно, наивно и обнажённо предъявила то корневое человеческое начало, которое вступило в, казалось бы, неравный бой с началами звериными и стайно-протоочеловеческими.

История такого оформления человечности через первоначальную коммунистичность невероятно важна на любых этапах развития человечности. Потому что развивается всё та же человечность. И чем дальше она развивается (кстати, только ли развивается? или, развиваясь, ещё и, образно говоря, подгнивает?), тем труднее узреть воочию то начало, из которого осуществляется развитие этой самой человечности. А на начальных этапах оформления человечности это начало увидеть легко. И единственный способ разглядеть его по-настоящему, то есть целостно, — вернуться к тому моменту, когда это начало оформлялось. То есть к истоку.

У истока же — выделение человека из природы. То есть борьба начальной человечности

со звериным и стайно-проточеловеческим. Конфликт культуры и природы — это очень мощный конфликт. Более мощным является разве что конфликт между созиданием и усложнением всех мыслимых форм и разрушением этих форм, а также их деградацией.

И здесь я позволю себе два утверждения, не имеющих прямого отношения к рассуждениям Лафарга и других марксистов, дерзнувших заниматься именно оформлением человечности, а не экономикой, политической борьбой и так далее. Ведь именно эта дерзость Лафарга и других коммунистических антропологов (тут важно и то, что антропологов, и то, что коммунистических) привлекает наше внимание.

Сделав эти два утверждения, я вернусь к обсуждению коммунистической антропологии в её лафарговском и ололафарговском варианте. Обратив внимание читателя на то, что эта антропология или социоантропология всё-таки существует. Тогда как многие хотели бы, чтобы вся

коммунистичность была связана с политическим устройством общества, экономикой и, на худой конец, распределительной сферой. Которая при коммунизме якобы уже начинает существовать чуть ли не в отрыве от экономики.

Итак, первое моё утверждение, которое я здесь подробно обосновывать не намерен, поскольку хочу заниматься в данном исследовании тем, что можно назвать «аутентичным марксизмом», состоит в том, что борьба культуры и природы (она же — борьба человека и зверя) неминуемо должна бы была закончиться победой зверя уже на первом, протокоммунистическом этапе. Потому что огромной толще звериного и проточеловечески-стайного не может оказать сопротивление тончайшая, почти невидимая плёнка протокультурности.

А раз эта борьба длится уже не одно тысячелетие и не завершается (пока не завершается) однозначной и категорической победой звериного начала, то существует нечто, находящееся над

культурой. А также нечто, находящееся под толщей звериного. Что-то по этому поводу я обсуждал в своей книге «Исав и Иаков». Здесь же просто хочу обратить внимание читателя на невозможность свести всё на свете к борьбе только двух начал. Начал этих на самом деле четыре. Причём два из них (человеческое и звериное) всё время обращаются за поддержкой к чему-то более мощному, чем они сами.

Второе моё утверждение состоит в том, что даже при наличии четырёх, а не двух начал звериное начало всё равно бы победило, если бы внутри него не находилось нечто, созвучное человечности. И представляющее собой проточеловеческий этап существования человечности. Этологи уже неоднократно обсуждали это, утверждая, что в природном, зверином мире есть место и альтруизму, и любви, и многому другому из того, в чём ранняя антропология, на которую опирались Лафарг и другие, отказывала природному началу.

Мы не зря настаиваем на непримиримости культуры и природы. Но, твёрдо настаивая на этом, мы должны улавливать в природе ту, не до конца описанную тонкость, которая соседствует с подробно описанной природной грубостью. И видеть, как именно эта природная тонкость передаёт эстафету человеческой сверхтонкости. Той сверхтонкости, которая с невероятной настойчивостью пытается осуществить невозможное — вытеснить из человечности природную грубость как таковую. Заместив её до конца сплавом из природной тонкости и собственно человеческой сверхтонкости. Настойчивость, с которой человеческая сверхтонкость занимается безнадёжным делом полного вытеснения природной грубости из существа, именуемого «человек», позволяет надеяться на то, что «невозможное возможно». Надеяться же на это Блок! Почему бы нам не пойти по его стопам в этой робкой, но единственной зовущей вперёд надежде, без которой нет и не мо-

жет быть гуманизма ни в религиозном, ни в светском его варианте?

Предложив читателю эти два свои утверждения, оговорив, что из них очень многое следует (в том числе и в плане соотношения четырёх, а не двух начал), я вновь возвращаюсь к лафарговской проблематике.

Так как же человек боролся с тем, что Горький назвал «зоологическим индивидуализмом»? Странное, кстати, определение, не правда ли? Почему зоологическое должно быть индивидуалистичным? Оно ведь может быть вполне стайным. Можно было бы вообще с пренебрежением отнестись к горьковским рассуждениям, назвав их выдумками писателя, который просто не разбирается в антропологии. Но Горький был не только гениальным писателем (никто ведь не спорит, что «Жизнь Клима Самгина» — это гениальное произведение, не правда ли?), но и очень умным человеком. Восполнявшим отсутствие регулярного образования наличием обра-

зования другого, порою даже более эффективно-го.

Кроме того, ещё не понимая, что такое «зоологический индивидуализм» в его горьковском, адресующем к истокам человечности, понимании, мы уже не только понимаем, но и чувствуем, что такое нынешний регрессивный зоологический индивидуализм, разрушающий, как вирус, всю социальность, а значит, и всю человечность. Мы живём в социальной ткани (кстати, можно ли её называть действительно социальной в 2015 году?), яростно и победительно атакуемой именно **зоологическим** индивидуализмом, а не индивидуализмом вообще.

И именно **зоологический** индивидуализм использовали архитекторы перестройки для того, чтобы сломать Красный проект (он же — Коммунизм 1.0) и разрушить Красную сверхдержаву (она же — СССР 1.0). То, что ни проект, ни держава не смогли выдержать атаки этого вируса, искусно используемого врагом, нам, свидетелям обруше-

ния державы и государства, абсолютно очевидно. И тут опять-таки можно вспомнить Блока:

Рождённые в года глухие

Пути не помнят своего.

Мы — дети страшных лет России —

Забывать не в силах ничего.

Мы действительно дети страшных перестроечных лет. И когда я читаю у Горького о зоологическом индивидуализме, у меня перед глазами вспыхивают эпизоды перестроечного прошлого, этих страшных лет России.

И я думаю: «Как же точно сказано, хотя и парадоксально!»

Ведь действительно, именно зоологический и именно индивидуализм осуществил своё страшное дело. И осуществил он его, конечно же, потому что в СССР 1.0 имел место дефицит тех высших смыслов, которые Горький вслед за Богдановым назвал комплексом идей (все-го лишь комплексом идей, представляете?), обуздывающих зоологический индивидуализм.

Возражая Горькому, Ленин, как мы убедились, утверждал, что обуздали этот зоологический индивидуализм первобытное стадо и первобытная коммуна.

Что ж, тем интереснее вчитаться в то, что Лафарг описывает как первобытную коммуны. Потому что его описание, конечно же, сложнее и тоньше описания Энгельса, находившегося в более полной, нежели Лафарг, зависимости от современных ему антропологов — не желавших, в отличие от Лафарга, в должной мере заниматься тонкой и неочевидной социокультурной проблематикой.

Лафарг описывает, например, как именно функционировал в качестве оси некоей начальной коммунистичности великий Огонь. Он же — общий очаг города, он же — жертвенник богине очага Гестии.

Лафарг объясняет, почему этот жертвенник помещался в пританее — здании, посвящённом Гестии, где постоянно поддерживался огонь.

Как именно этот пританей становился главным государственно-общинным центром. Почему в этом центре должен был постоянно поддерживаться огонь.

Анализируя эти обычаи, связанные с поддержанием огня и очень сходные у древних греков и древних римлян, Лафарг подробно, со знанием дела, говорит о важных для его модели деталях: *«Греки помещали общий очаг города, то есть жертвенник Гестии, в пританее, который в память первобытных жилищ был круглым, подобно храму Весты в Риме. Пританей становится впоследствии местопребыванием общественных властей и суда, местом приёма гостей и послов. Он был расположен в Афинах возле Агоры, у подножья акрополя. <...> На жертвеннике поддерживался постоянный огонь; он являлся очагом города, *ihestia poleos*, как говорили греки, *focus* (очаг) или *penetrate urbis* (внутренняя часть города), как говорили латиняне. По словам Тита Ливия, римляне*

верили, что судьба Рима связана с этим очагом. Вечером огонь покрывали золой, а утром разжигали ветвями особых деревьев, потому что не всяким деревом следовало поддерживать его. <...> Если город, взятый неприятелем, снова переходил в руки граждан, то прежде всего следовало освятить храмы. Все семейные и городской очаги тушились и зажигались вновь, так как прикосновение чужестранца осквернило их».

Вот ведь как она непроста, эта самая начальная коммунистичность, сакрализующая огонь и очаг. И за счёт этого, если верить Горькому (воспевавшему, как мы помним, огненное начало в Данко), изгоняющая зоологический индивидуализм, противопоставляя ему любовь и жертвенность.

(Продолжение следует.)

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Существует ли вообще различие между духом и душой? Признаётся ли оно христианами и ревнителями суфийского ислама?

Если в основе — качественно новые процессы, причём достаточно жуткие и многомерные, то надо не политические факты перечислять: мол, такие-то и такие-то стучатся в эту дверь, а надо понимать, кто стучится (то есть реагировать рефлексивно), и готовиться к встрече (то есть реагировать проективно). Это не значит, что надо забыть о ситуативном реагировании и адапта-

ции. Об этом никогда нельзя забывать, и это всегда должно превалировать. Но это, будучи совершенно необходимым, конечно же, недостаточно.

Я сообщил читателю те соображения, которые диктует мне продолжение цикла «Судьба гуманизма в XXI столетии». Продолжая этот цикл, я буду говорить об очень сложных вещах, казалось бы, далёких от злобы дня. Я буду говорить о настоящем призраке Банко, а не о фигуре, закутанной в простыню и кем-то подосланной. Такой разговор по определению не может быть сжатым и выпуклым — другие формы разговора нужны. Их я и предлагаю читателю. Напоминая ему, что перед тем, как перейти в формат докладов Школы высших смыслов, я уже вплотную подошёл, обсудив суфизм и его отношение к душе, к общему рассмотрению проблемы соотношения духа и души. Теперь я этим общим рассмотрением начну всерьёз заниматься. А ну как эта неактуальная тема вдруг окажется актуальнее всех актуальностей?

Дух и душа... Стоп. Существует ли вообще различие между духом и душой? Признаётся ли оно христианами и ревнителями суфийского ислама, чьё учение о нафсе, то бишь душе, я обсуждал в предыдущих своих размышлениях о гуманизме в XXI столетии?

Как это ни покажется странным, однозначно-го ответа на этот вопрос религиозные авторитеты не дают. Одни из них считают, что человек и человечество состоят из тела и чего-то такого, что, не являясь телом, представляет собой то ли просто душу, то ли невероятно тонкий сплав душевного и духовного. Другие же настаивают на том, что душа — это одно, а дух — это другое. И что человек, а значит и человечество, не двухчастны (душа и тело), а трехчастны (дух, душа и тело).

Для христиан существенное значение в плане ответа на данный вопрос имеет то, что сказано апостолом Павлом в Послании к евреям: *«Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до раз-*

деления души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».

Христианин, сославшись на это, скажет, что если слово Божие способно разделить душу и дух, то душа и дух — это разные слагаемые нематериальной, нетелесной человечности. Да и нематериального, нетелесного мира в целом.

Читатель может упрекнуть меня за то, что я, цитируя слова христианского авторитета, отхожу от разбиравшейся мною ранее суфийской проблематики. Но я настоятельно и многократно говорил о том, что суфийская проблематика не интересует меня сама по себе. Что обсуждаю её потому, что в ней ощутимо наличествует не очень явная проблематизация душевности — некоего нафса, с которым можно определённым образом разобраться при восхождении по неким ступеням.

Цитируя сейчас апостола Павла, я всего лишь обсуждаю всё то же самое в христианстве. И если удастся одно и то же обсудить в суфизме, христи-

анстве и так далее, то это и будет означать, что мы существенно продвинулись в плане интересующего нас вопроса. Так что я не мечусь из стороны в сторону, обсуждая то суфизм, то христианство, а предлагаю читателю взглянуть на одну и ту же проблему, используя разную религиозную оптику. А никаким иным способом, кроме этого, увидеть нечто сокрытое (и нас предельно интересующее) в принципе невозможно. Тут надо либо заниматься сравнительным религиоведением, причём достаточно серьёзно и основательно, либо кидаться очертя голову в то или иное визионерство. И получать в итоге не интересующее нас серьёзное знание, а ту или иную подделку под это знание. Причём чаще всего речь идёт о подделках достаточно вульгарных и грубых. Но даже если мы получим подделку изящную и тонкую, вряд ли нас это утешит. Потому что сам этот вопрос о духе и душе для нас — лишь некая дверь, открыв которую мы наконец попадаем в интересующее нас пространство, где содержатся окон-

чательные ответы на вопрос о гуманистическом и антигуманистическом начале, глубинных корнях западной идентификации и т. д.

Нам надо обнаружить настоящую дверь. Открыть её ключом, который тоже ещё надо заполучить. И, оказавшись в пространстве, содержащем в себе искомое, добраться до искомого.

Что ж, начнём заниматься проблемой духа, души и тела. Причём не перескакивая с одного религиозного поля на другое, а правильным образом стыкуя эти поля.

В Первом послании к Солунянам апостол Павел говорит: *«Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных (во всём), и всесовершенен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится»*. И вновь оказывается, что есть отдельно дух и душа. Трактовать это можно по-разному, но игнорировать данный текст невозможно.

У того же апостола Павла в Первом послании к Фессалоникийцам (5:23) говорится: *«Сам*

же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа».

То есть апостол Павел не единожды говорит о различии духа и души. Поясняя эту его мысль, Григорий Нисский утверждает, что человек состоит из всякого рода душ — души физической, чувственной и разумной. И апостол словом «дух» обозначил разумную часть, душой — чувственную, а телом — физическую. Но это — трактовка и не более того.

В Первом послании апостола Павла к Коринфянам говорится:

[15:44] сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.

[15:45] Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий.

[15:51] Говорю вам тайну: не все мы умрём,

но все изменимся...

[15:52] вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.

Можно, конечно, и эти слова трактовать как угодно. Их и трактуют как угодно. Но разделение на душевное и духовное здесь прописано достаточно внятно, не правда ли?

Святой Иустин, размышляя о воскрешении, пишет: «Тело есть жилище души, а душа — жилище духа, и эти три сохраняются в тех, которые имеют надежду и веру в Бога». Но тот же святой Иустин говорит о том, что «человек есть животное, разумное существо, состоящее из души и тела».

Вот и мучаются интерпретаторы. Многие столетия мучаются.

Ириней Лионский утверждает: «Совершенный человек <...> состоит из трёх — плоти, души и духа: из коих один, то есть дух, спасает и образует; другая, то есть плоть, соединяет-

ся и образуется, а средняя между этими двумя, то есть душа, иногда, когда следует духу, возвышается им, иногда же, угождая плоти, ниспадает в земные похотения».

Тоже достаточно внятный текст, не правда ли? Но его будут опять же интерпретировать по-разному, в том числе и ссылаясь на другие авторитеты. Потому что Климент Александрийский утверждал, что *«душа и дух — наименование одной и той же сущности, а различие — в направлении и состоянии её».*

Но Григорий Нисский, Ефрем Сирин настаивали на трехсоставности человеческой (различия духа, души и тела).

А Афинагор, Кирилл Иерусалимский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, блаженный Августин, Иоанн Дамаскин очень твёрдо настаивали на двухсоставности (душа и тело) и отвергали трехсоставность, утверждая, что никакой нематериальной сущности, кроме души, у человека нет и не может быть.

Стоит обратить внимание на злоключения Аполлинария Лаодикийского, он же — Аполлинарий Младший (родился около 310-го, умер около 390 года). Он — сын пресвитера Аполлинария Старшего, высокообразованный человек, ревностный христианин. Принадлежал к александрийской богословской школе. Был учеником Афанасия Великого, состоял в переписке с Василием Великим. Ревностно отстаивал решения Никейского собора.

Аполлинарий Лаодикийский — талантливый поэт и писатель, подражавший греческим классикам и излагавший христианские сюжеты в форме героических песнопений и трагедий. В стихотворной форме, аналогичной той, которую использовал Гомер, Аполлинарий изложил священную историю. Желая содействовать усвоению Нового Завета в среде поклонников Платона, Аполлинарий изложил Новый Завет в форме платоновских «Диалогов».

В какой-то момент Аполлинарий пошёл

на конфликт с христианской церковной элитой, предложив оригинальное учение о личности Христа. Аполлинарий утверждал, что совершенный человек и совершенное божество не могут полностью соединиться, потому что даже совершенный человек греховен, а совершенное божество безгрешно. Поэтому Аполлинарий предложил свою трактовку вочеловечивания Христа. Согласно этой трактовке, Христос имел только две части человеческого существа — тело и душу. А дух у Христа был не человеческим, а божественным. Место человеческого духа у Христа, как считал Аполлинарий, занимал божественный логос. Аполлинарий рассуждал следующим образом: *«Если бы Господь принял всё, то, без сомнения, имел и человеческие помыслы, в человеческих же помыслах невозможно не быть греху»*.

Аполлинаристы, укрепившись в Сирии, распространяли своё влияние за её пределами, в том числе и в Константинополе. Официаль-

ная Церковь отвергла аполлинаризм, в том числе и на Втором Вселенском соборе. Аполлинария долго не трогали и лично осудили только на Пятом Вселенском соборе. Влияние Аполлинария на не до конца ортодоксальную церковную жизнь было очень существенным на протяжении многих столетий.

Нас Аполлинарий интересует лишь потому, что в его учении и в дискуссии вокруг его учения очень выпуклым становится вопрос о несовпадении духа и души.

Учение Аполлинария, безусловно, повлияло на монофизитов. Нам сейчас трудно вжиться в кипевшие тогда страсти, породившие целую серию их восстаний, подавление которых не остудило страсти. Иаковиты, армянская церковь, копты, эфиопская церковь... — все эти модификации христианства в конечном счёте порождены именно специфическим подходом к вопросу о духе и душе.

Иаковитами называют сирских монофизитов,

чьё учение в существенной степени заимствовано у монофизитов египетских. Часть иаковитов приняла унию с Римом, а часть на эту унию не согласилась.

У митрополита Макария (Булгаков) в его «Православно-догматическом Богословии» есть целый параграф, посвящённый составу человека. Утверждая, что этот состав двухчастен и что в этой двухчастности (душа и тело) сходятся Ветхий и Новый Заветы, ссылаясь на высокие ветхозаветные авторитеты (Моисея, Екклесиаста), на слова Христа, обращённые к апостолам, митрополит Макарий (Булгаков) вынужден признать, что у святого Павла есть два изречения, в которых *«душа ясно различается от духа и в человеке исчисляется дух, душа и тело»*. Первое изречение, по мнению митрополита, находится в Послании к Евреям, которое мы уже цитировали. Второе — в Послании к Фессалоникийцам, которое мы тоже цитировали.

Перечисляя далее всех, кто стоял на позиции

двухчастности (их мы уже перечислили), митрополит Макарий далее заявляет: «Если же некоторые из древних учителей Церкви различали в человеке дух, душу и тело: то отнюдь не в том смысле, будто душа и дух составляют особые, самостоятельные части».

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Информационно- психологическая война

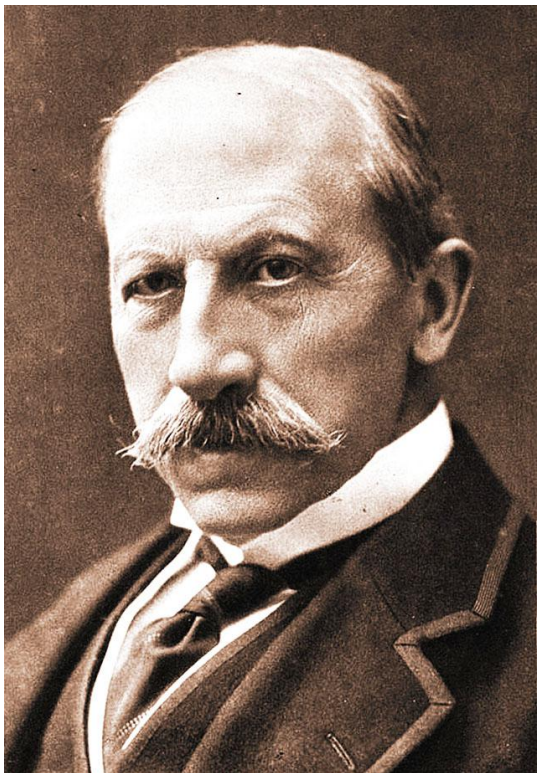
Поппер и другие — 8

Хлёсткое название «кливденская клика» появилось в СССР в момент, когда представители обсуждаемого нами сообщества проявляли по отношению к нашей стране предельную враждебность. В оригинале название звучит более нейтрально

Итак, задавшись вопросом, что же так прочно связывало в течение многих лет леди Астор и социалиста-фабианца Бернарда Шоу (при том, что Шоу, вроде бы симпатизировавший Советскому Союзу, не мог не знать о существовании «кливденской клики» и её тяготении к гитлеровской Германии), мы вышли на группу «Дет-

ский сад Милнера». Маркиз Лотиан, сопровождавший Бернарда Шоу и Асторов в ходе поездки в Советскую Россию, входил в эту группу. Данная группа сформировалась в первые годы XX века под началом Верховного комиссара Южной Африки лорда Милнера. Вернувшись в Лондон, питомцы Милнера продолжали взаимодействие в рамках группы. В какой-то момент с группой Милнера сблизилась Асторы.

Альфред Милнер

В дальнейшем несколько членов этой группы, включая самого Милнера, тесно сотрудничали с Дэвидом Ллойд Джорджем — британским премьер-министром от Либеральной партии, занявшим после Октябрьской революции яростно антибольшевистскую позицию. А в преддверии Второй мировой войны Ллойд Джордж выступал за союз Великобритании с Германией против СССР. В частности, в 1936 году он (уже не будучи действующим политиком, но ещё сохраняя определённое влияние) совершил поездку в Германию в сопровождении Риббентропа, германского посла в Лондоне, и встретился с Гитлером. По возвращении в Лондон Ллойд Джордж принялся уверять окружающих, что Германия не имеет экспансионистских намерений и не собирается вторгаться ни в какую страну. А год спустя написал: *«Я восхищаюсь Гитлером. <...> Я могу только пожелать нашей стране, чтобы ею руководил человек, наделённый его огромными достоинствами».*

К союзу с Гитлером как «избавителем от коммунизма» стремилась и «кливденская клика», ядро которой составили члены группы Милнера. Сам Милнер умер в 1925 году, но группа, возглавленная Лайонелом Кертисом (создателем Королевского института международных отношений, он же — Чатем Хаус), продолжала действовать. Мы не знаем, сколько членов данной группы входило в «кливденскую клику». Имя Кертиса в связи с «кликой» не упоминается. Но это не означает, что между «кливденцами» и не входившей в «кливденскую клику» частью «Детского сада Милнера» были прерваны связи.

Хлёсткое название «кливденская клика» появилось в СССР в момент, когда представители обсуждаемого нами сообщества проявляли по отношению к нашей стране предельную враждебность. В оригинале название звучит более нейтрально — «the Cliveden Set»: «кливденская партия», «кливденский круг». В постсоветское время достаточно широко распространи-

лось представление о том, что никакого такого зловещего ореола этот круг не имел. Ну собирались у Асторов представители высших слоёв британского общества, которым приятно было видеть друг друга, и между делом обсуждали вопросы международной политики. Кстати сказать, внедрение в общественное сознание данного представления — это тоже один из ходов в информационно-психологической войне против России.

Несмотря на то, что к мемуарам Ивана Майского — чрезвычайного и полномочного посла СССР в Великобритании в 1932–1943 годах — легко приклеить ярлык «советская пропаганда», приведём для начала всё-таки именно его описание «кливденской клики». В своей книге «Воспоминания советского дипломата» Майский пишет:

«Та самая леди Астор, которая в 1932–1933 гг. кокетничала своей «дружбой» с Советской страной, в течение последующих

лет обнаружила своё настоящее лицо и в конце концов стала «хозяйкой» политического салона, в котором собирались самые махровые представители консервативной партии. Обычно в её роскошном имении Кливден, под Лондоном, где она пыталась имитировать Версаль, встречались такие люди, как Невиль Чемберлен, лорд Галифакс, Самуэль Хор, Саймон, Кингсли Вуд, Лотиан, Том Джонс, Эрнст Браун и др. Особенно крупную роль играл здесь редактор «Таймс» Джеффри Доусон, являвшийся чем-то вроде идеологического вождя всей этой клики... Доусон преклонялся перед силой и, считая гитлеровскую Германию решающей мощью на континенте Европы, проповедовал самое беззастенчивое «умиротворение» нацистского диктатора. Влияние Доусона было настолько велико, что премьер-министры того времени — Макдональд, Болдуин, Чемберлен — обсуждали с редактором «Таймса» министерские назначения».

Британский премьер-министр Невилл
Чемберлен, после встречи с Гитлером. 24
сентября 1938 г.

Остановимся на минуту. Джордж Джефри Доусон (1874–1944) — яркий представитель группы Милнера. В 1901 году он стал личным секретарём Джозефа Чемберлена (1836–1914) — министра по делам колоний, отца будущего премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена (со временем Невилл Чемберлен сыграет ключевую роль в политике «умиротворения» гитлеровской Германии; апогеем этой политики станет подписание Мюнхенского соглашения). Именно Чемберлен-старший рекомендовал в 1897 году Альфреда Милнера на пост Верховного комиссара Южной Африки. Прослужив некоторое время личным секретарём Чемберлена, Доусон получил новое назначение и сделался теперь уже личным секретарём Милнера в Южной Африке.

Милнер прекрасно понимал силу информационного оружия. Для укрепления своего влияния в Южной Африке ему необходима была поддержка местных газет. И потому он уговорил владельцев газеты «Йоханнесбургская звезда»

сделать Доусона главным редактором этой газеты. Позже Доусон сделался йоханнесбургским корреспондентом «Таймс» — одной из крупнейших британских газет. А ещё позже этот яркий представитель «Детского сада Милнера» дорос до главного редактора газеты «Таймс». Данный пост Доусон занимал сначала с 1912-го по 1917 год (по другим данным, по 1919 год), покинув его из-за разногласий с владельцем газеты. Но в 1922 году новым владельцем «Таймс» стал Джон Джейкоб Астор V (1886–1971) — родной младший брат Уолдорфа Астора, супруга леди Астор. Он пригласил Доусона стать главным редактором «Таймс» в 1923 году. Доусон согласился и занимал этот пост до 1941 года. Газета «Таймс» в рассматриваемый нами период (тридцатые годы, преддверие Второй мировой войны) стала рупором сил, стремившихся к союзу с Германией. Эта газета пользовалась огромной популярностью и воспринималась как неофициальный орган правительства. Так что Доусон усерд-

но формировал в сознании британцев представление о том, что политика «умиротворения» Германии и стремление к союзническим отношениям с ней — это самый верный путь.

Но вернёмся к тексту Майского:

«Чем ближе надвигалась война, тем активнее становился Кливден. Салон леди Астор превратился в главную цитадель врагов Советского Союза и друзей англо-германского сближения. Отсюда шла наиболее энергичная пропаганда концепции «западной безопасности»; здесь смаковались картины советско-германского взаимоистребления, на осуществление которого делали ставку всегда и Кливдена. Салон леди Астор имел сильнейшее влияние на назначение министров, на формирование правительств и на определение политической линии этих правительств. Приход к власти Невилля Чемберлена знаменовал собой усиление «кливденской клики», что рождало в руководящих кругах Советского Союза лишь са-

мые тревожные опасения».

Линию на умиротворение фашистской Германии (то есть готовность пойти на уступки, заняться на выгодных для Германии условиях урегулированием международных конфликтов, которые сама же Германия усиленно провоцировала) начал не Чемберлен. Этот курс проводили и предшествовавшие ему правительства Рамси Макдональда и Стенли Болдуина. В целом часть британской политической элиты придерживалась политики «умиротворения» с 1933 по 1939 год — то есть от прихода к власти Гитлера и до момента, когда «умиротворение» провалилось и Великобритания вступила с Германией в войну.

Но тяга к союзническим отношениям с Германией возникла не в тридцатые годы прошлого века, а задолго до прихода Гитлера к власти. Как пишет в своей книге «Миллиардеры. История крупнейших финансовых династий» Гжегож Яшуньский, известный польский публицист и журналист, *«почти сразу после окончания Первой ми-*

ровой войны и подписания Версальского договора в Англии нашлись люди, которые придерживались мнения, что условия договора слишком суровы и что Германии надо каким-то образом возместить ущерб. Сторонники подобных взглядов (а среди них оказались некоторые видные политические деятели и «интеллектуалы») таким способом давали выход своим антифранцузским настроениям (они утверждали, что Версальский договор был навязан Германии именно Францией) и антисоветским злобствованиям».

Приход Гитлера к власти не ослабил, а только усилил в определённых кругах Великобритании стремление к «умиротворению». Яшуньский указывает, что «английские дипломаты и журналисты немедленно начали присылать в Лондон сообщения о фашистской и расистской практике нового германского режима, резко противоречившего обязательным в Великобритании принципам общественной и политической жизни».

ни. Но сторонники «умиротворения» отмахивались от таких сообщений».

Английские историки Мартин Гилберт и Ричард Готт, которых сложно заподозрить в причастности к «советской пропаганде», пишут в своей работе «Умиротворители» (The Appeasers): *«Иногда те, кто был заинтересован в англо-германской дружбе, прощали новому режиму в Германии любое зло, порой они игнорировали его, а то и просто не хотели верить, что оно существует. Прогерманизм, словно алкоголь, притуплял чувство разума у тех, кто чрезмерно попустительствовал всему».*

Пик «умиротворения» пришёлся на 1937–1939 гг., то есть на время, когда британским премьер-министром был Чемберлен. По словам Майского, *«классовая ненависть к государству социализма была в Чемберлене (да и не только в Чемберлене) столь велика, что она совершенно помрачала его рассудок.*

Черчилль в своих военных мемуарах, говоря о Чемберлене и его отношении к Гитлеру, иронически замечает: «Он вдохновлялся надеждой умиротворить и реформировать его, а потом привести к полному смирению».

Уже известный нам друг семейства Асторов лорд Лотиан, выходец из «Детского сада Милнера», который, как и Чемберлен, регулярно бывал на «кливденских посиделках», встречался с Гитлером дважды — в 1935 и 1937 годах. Вернувшись в 1935 году в Лондон, он написал в газете «Таймс», что Германия вовсе не стремится к войне и готова не рассматривать войну как метод решения споров с соседними государствами. Посетив Гитлера вторично, Лотиан заверил его, что у Великобритании нет жизненных интересов в Восточной Европе. Уильям Додд, американский посол в Берлине, познакомившись с лордом Лотианом, оставил в своём дневнике такую запись: *«Не могу понять, на чьей он стороне? Он показался мне больше фашистом, чем кто-*

либо другой из известных мне англичан».

Чтобы проводить политику «умиротворения» по отношению к фашистской Германии, Чемберлену был нужен «свой» человек на посту главы министерства иностранных дел. Таким человеком и стал ещё один представитель «кливденской клики» (и тоже выходец из «Детского сада Милнера») Эдуард Вуд (1881–1959), лорд Ирвин, виконт, а позднее граф Галифакс, в 1926–1931 гг. — вице-король Индии. Характеризуя политику «умиротворения» и самих «умиротворенцев», Яшуньский цитирует такую формулировку Галифакса: *«Благодаря ликвидации коммунизма в своей стране фюрер закрыл ему путь в Западную Европу, и поэтому Германия может считаться бастионом Запада против большевизма».*

Быстро выдвинуть из правительства предыдущего главы МИД Энтони Идена было невозможно, а потому Галифакс занял сначала пост заместителя премьера. В его обязанности входило

выполнять специальные поручения Чемберлена. В ноябре 1937 года он провёл в Берлине переговоры с Гитлером. Когда в конце Великой Отечественной войны Красная Армия изъяла материалы германского МИД, среди документов был обнаружен секретный протокол этих переговоров, состоявшихся 17 ноября 1937 года. Как сообщает Майский, из протокола вытекает, что Галифакс фактически предоставил Гитлеру свободу рук в Центральной и Восточной Европе: *«Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия».* Конечно, Галифакс сделал оговорку насчёт того, что *«изменения существующего положения»* должны носить исключительно мирный характер. Однако по сути, считает Майский, он указал Гитлеру *«направления агрессии, которые встретили бы наименьшее сопротивление со стороны правительства Чембер-*

лена».

В феврале 1938 года Энтони Иден покинул пост главы МИД в знак несогласия с политикой «умиротворения». А 12 марта 1938 года, через 12 дней после назначения Галифакса на пост главы МИД, Австрия была «ненасильственно» присоединена к Германии. Случайно или нет, но это произошло в тот день, когда Чемберлен с помпой принимал в Лондоне Риббентропа, получившего незадолго до этого пост германского министра иностранных дел. Однако аншлюс Австрии не остудил пыл британских «умиротворителей».

Американский журналист и историк Уильям Лоуренс Ширер в своей книге «Возвышение и падение Третьего рейха» рассказывает, как в мае 1938 года, уже после аншлюса Австрии, леди Астор пригласила в Кливден премьера Чемберлена и нескольких американских корреспондентов, аккредитованных в Лондоне. А вслед за тем в газетах была широко растиражирована позиция Чемберлена по судетскому вопросу. По сло-

вам американских журналистов, Чемберлен сообщил им, что Чехословакия не может существовать в её нынешнем виде и что Великобритания в интересах мира высказывается за передачу Судетской области Германии. Характерно, что Чемберлен не дал по этому поводу никаких опровержений.

7 сентября 1938 года Доусон написал в «Таймс» редакционную статью, в которой содержалось требование, чтобы Чехословакия передала Германии Судеты — территорию, на которую Германия претендовала.

30 сентября 1938 года премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье, премьер-министр Италии Бенито Муссолини и рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер подписали Мюнхенское соглашение. В Советском Союзе это соглашение получило название «Мюнхенский сговор». По сути, Великобритания и Франция — тогдашние союзники Чехословакии — дали

санкцию на её расчленение, дабы умиротворить агрессора — Гитлера. Чехословакии предписывалось передать Германии Судетскую область. При этом руководство Чехословакии в заключении Мюнхенского соглашения не участвовало. В разделе Чехословакии, помимо Германии, приняли участие Польша и Венгрия.

Как вспоминал Ян Масарик, посол Чехословакии в Лондоне, незадолго до Мюнхенской конференции один из членов «кливденской клики», найдя на карте его страну, назвал её «большой сосиской», а потом, указав на Брно, изрёк, что британцы (союзники Чехословакии) никогда не станут воевать за город, название которого невозможно выговорить. Позже, уже после расчленения Чехословакии, леди Астор не погнушалась заявить, что чешские беженцы — это сплошь коммунисты, и им правильнее искать прибежища у Сталина, а не на Британских островах.

Чемберлен, вернувшийся из Мюнхена в Великобританию с декларацией о ненападении

и мирном урегулировании спорных вопросов между своей страной и Германией, заявил встречавшим его ликующим толпам: «Я привёз вам мир!» Газета «Таймс» разразилась восторженным пассажем: *«Ни один завоеватель, одержавший победу на поле боя, не был украшен более благородными лаврами».*

Но Черчилль дал Мюнхенскому соглашению совершенно иную оценку: *«Мы потерпели полное, ничем не смягчённое поражение».* Позже он добавил: *«Великобритании был предложен выбор между войной и бесчестьем. Она выбрала бесчестье и получит войну».*

Мюнхенское «умиротворение» лишь разожгло аппетиты Гитлера, подтолкнуло его ко всё новым экспансионистским действиям и в конечном счёте привело к развязыванию Второй мировой войны. Сама Великобритания вступила в войну с Германией в сентябре 1939 года. В мае 1940 года Чемберлен был вынужден покинуть пост премьер-министра, а новым премье-

ром стал Черчилль.

Асторы, дабы как-то «скрасить» факт своего тяготения к Гитлеру, который в общем-то у всех был на виду, сначала устроили в поместье Кливден госпиталь, а в 1942 году передали поместье под опеку Национального фонда при условии, что они останутся жить в доме.

О «кливденской клике» и её роли написано немало интересного. В том числе, теми, кто не принадлежал, в отличие от Ивана Майского, к стану «проклятых большевиков». Например, Томас Джонс, активно поддерживавший политику «умиротворения» (до 1938 года, когда он в ней разочаровался) и регулярно бывавший у Асторов в Кливдене, в своей книге «Дневник, включающий письма» рассказывает, как привёз к Асторам фон Риббентропа, в то время посла Германии в Великобритании. Как быстро между Риббентропом и Асторами установились дружеские отношения. Как в дни аншлюса Австрии Риббентроп пригласил на завтрак в германское посоль-

ство лорда Астора, Томаса Джонса и Томаса Инскипа (ещё одного сторонника политики «умиротворения» в кабинете Чемберлена...).

Мог ли о столь насыщенном и бурном периоде жизни леди Астор ничего не знать её старинный приятель Бернард Шоу, посещавший Кливден? Но если он не мог этого не знать, то как это сочеталось с его внятно выраженной позицией осуждения фашизма?

Кстати сказать, у нас есть ещё один яркий пример совместимости, казалось бы, несовместимого. Леди Астор, открыто демонстрировавшая симпатии к Германии, неоднократно позволявшая себя самые резкие антикоммунистические высказывания, проявлявшая предельную нетерпимость к католикам, грешившая антисемитизмом, при всём при этом умудрялась дружить с «красной Элен» — Элен Уилкинсон (1891–1947), которая сначала, вдохновившись российской Октябрьской революцией 1917 года, вступила в коммунистическую партию Брита-

нии, а потом представляла в парламенте интересы Лейбористской партии. Ранее, в годы учёбы в Манчестерском университете, Элен пересекалась и с фабианцами (которые, собственно, и являются родоначальниками Лейбористской партии). Активно отстаивала интересы рабочих, права женщин. Так, в 1926 году они с леди Астор, объединившись, боролись против предложения уменьшить правительственные расходы на женские учебные центры...

Возможно, «красная Элен» искренне пеклась о рабочих. Но и многие фабианцы, и многие лейбористы, побаловавшись в молодости марксизмом, со временем отошли от него, поскольку не хотели радикальной смены порядка вещей. И в этом смысле они, конечно же, были партнёрами господствующего класса по удержанию им господства, а не его врагами.

Но главным пунктом остаётся всё-таки приятие — неприятие фашизма. Бернард Шоу (а теперь ещё и «красная Элен»), не принимающий

фашизма, но принимающий леди Астор, принимающую фашизм... Как с этим-то быть?

Возможно, ответ на этот вопрос нам поможет дать Уинстон Черчилль — человек, когда-то яростно боровшийся с большевиками, потому что они олицетворяли для него (а он был представителем господствующего класса) — зло. Но сумевший затем разглядеть подлинное зло в фашизме, а потому отвергший политику «умиротворения» и выбравший в союзники красный СССР.

Черчилль, создавший в 1929–1939 гг. серию очерков «Мои великие современники» о крупных политиках, военных деятелях и деятелях культуры своего времени, посвятил один из очерков Бернарду Шоу. Начинается этот очерк с признания Черчилля, что он испытал к Бернарду Шоу одну из самых первых своих антипатий. В ту пору Черчилль служил в Индии младшим офицером и был глубочайшим образом оскорблён статьёй Шоу, написанной *«в духе унижения и изде-*

вательства над британской армией по поводу какой-то небольшой войны...».

Далее Черчилль делает интересные замечания по поводу обстоятельства, оказавшего влияние на становление Бернарда Шоу: «Его отдали в школу, знаменитую запретами на общение с детьми простолюдинов, это привело к появлению у него комплексов, от которых он так и не смог избавиться. Именно вследствие этого он решительно выступал против «искусственной морали», против ручного конформизма аристократии — в общем, против того, что у Киплинга названо «разъевшейся душой вещей». Когда Шоу, наконец, встал на ноги, то явился провозвестником бунта, разрушителем установившихся норм, весёлым, вредным, буйным озорником, который задавал Сфинксу самые неудобные вопросы...»

Шоу, безусловно, можно назвать и «провозвестником бунта», и «разрушителем устоявшихся норм»... Но это ещё большой вопрос, что за ком-

плексы появились у ребёнка, которому категорически было запрещено общаться с детьми простолюдинов. Комплекс вины перед простолюдинами и жалости к ним, который толкал в путь не одно поколение русских революционеров? Или комплекс страха перед простолюдинами как чем-то инородным, с чем слиться — невозможно, а потому необходимо всячески оберегать иерархический принцип построения общества?

Черчилль продолжает: *«Это был энергичный, ищущий, сердитый человек., с хорошим знанием музыки и живописи, умеющий мастерски подать своё негодование. Он <...> с энтузиазмом вступает в Фабианское общество. Он выступает в гостиницах и на улицах. Ему удаётся подавить страх перед публичными речами. Он придаёт своим выступлениям полемический задор, который впоследствии можно будет ощутить в прологе каждой его пьесы».*

Как указывает Черчилль, Шоу, не избежавший влияния марксизма, позднее «откажется

от Маркса в пользу социалиста и основателя Фабианского общества Сидни Уэбба, который, по признанию Шоу, оказал на него исключительное воздействие...»

А далее идёт удивительная по беспощадности оценка: «Есть люди, которые следуют в жизни принципам, которые проповедают, но этого никак не скажешь о Бернарде Шоу. Мало кому удаётся превзойти его в умении разделить принципы и жизнь. Его родина по духу — безусловно, Россия, его родина по рождению — свободная республика Ирландия, а живёт он в спокойной Англии. Его губительные представления о жизни и обществе не имеют хождения в его доме и его обиходе. Он ведёт респектабельную жизнь, далёкую от его взрывоопасного воображения. Он насмехается над брачными клятвами, <...> но это не мешает ему состоять в благоразумном и счастливом браке. Он пользуется всеми льготами безответственного болтуна, разглагольствующего

от рассвета до заката, но в то же время он выступает за отмену парламентаризма и установление железной диктатуры, первой жертвой которой рискует стать сам. Он мило болтает с ручными английскими социалистами и с видимым удовольствием рисуется на фоне улыбок таких персон, как Муссолини или Сталин. Не замечая собственного недомыслия, если не мошенничества — возможно, невольно — он решительным тоном провозглашает необходимость равенства доходов, утверждая, что тот, кто получает больше другого, достоин осуждения... Однако, когда в бюджете Ллойд Джорджа была впервые сделана скромная попытка ввести специальный налог на богатых, никто не мог перекричать этого протестующего фабианца, тогда уже вполне обеспеченного».

И напоследок — окончательный вердикт: «Он — и жадный капиталист, и искренний коммунист в одном лице... Похоже, сочетание этих

противоречивых привычек, принципов и мнений доставляет ему удовольствие. Он смеясь прошёл свой яркий жизненный путь, уничтожая словом или делом собственные аргументы... Ему же это казалось забавным: он насмеялся над любым делом, которое защищал. Мир долго и терпеливо наблюдал мастерские выходки и ужимки этого удивительного двуглавого хамелеона, а он всё это время хотел, чтобы к нему относились серьёзно».

Хамелеон... Волк в овечьей шкуре на эмблеме Фабианского общества... И всё-таки — с чем мы имеем дело? Несомненно, в числе фабианских социалистов (а позже — и лейбористов) были люди, искренне отзывающиеся на бедственное положение угнетённых сословий, но не наделённые жаждой «мир насилия разрушить до основания», а затем построить новый мир, в котором «кто был никем, тот станет всем». Но несомненно и то, что фабианство было проектом некоего британского «элитного сгустка», поклявшегося не до-

пустить победы коммунизма.

Нам остаётся только описать более внятно и подробно, что означает надпись на фабианском витраже: «Перекуём его, приблизив к тому, чего жаждет сердце». Напомню, что на этом витраже изображены в виде кузнецов, ударяющих молотами по земному шару, не то двое из основателей Фабианского общества — Сидней Вебб и Эдвард Пиз, не то Сидней Вебб и Бернард Шоу... Чего жаждали сердца тех, кто задумал сначала Фабианское общество, а позже Лондонскую школу экономики и политических наук, сотрудники которой — Поппер и Хайек — создали 70 лет назад концепцию уравнивания коммунизма и фашизма?

Обсудим это уже в следующей статье.

Анна Кудинова

Классическая война

Война нового типа

Современные агрессоры выступают под маской, мимикрируют. И старая формула всё чаще приобретает новый вид: «Война — это продолжение политики чужими руками». Этими «чужими руками» по преимуществу оказываются террористы

Сущность террористической (партизанской, нетрадиционной) войны и методы борьбы с нею, как нам представляется, исследованы недостаточно. Между тем, современная эпоха и, по-видимому, ближайшее будущее будут изобиловать именно такими — террористическими, партизанскими, нетрадиционными — войнами. В данной статье делается попытка исследовать такую войну не как что-то самодостаточное, а как инструмент агрессивной политики крупнейших держав, пытающихся в новых условиях по-новому реализовывать старую как мир идею мирового господства.

Война, по известному определению, — это продолжение политики государств иными средствами.

Целью политики чаще всего являются ресурсы, территории, статус. В конечном счёте —

власть.

Но в современную эпоху слишком дорого и опасно бороться за власть, даже за власть над миром, средствами прямой военной агрессии — так сложны и многогранны связи между мировыми субъектами, они опутаны таким множеством взаимных интересов, что прямое военное вторжение обязательно вызовет противодействие. А если противодействие будет коллективным — агрессор неминуемо проиграет.

Поэтому современные агрессоры выступают под маской, мимикрируют. И старая формула всё чаще приобретает новый вид: «Война — это продолжение политики **чужими руками**».

Этими «чужими руками» по преимуществу оказываются террористы. Проблема терроризма слишком широка, чтобы исследовать все её аспекты, поэтому не будем рассматривать индивидуальный и групповой террор — раз речь идёт о войне, поговорим именно о террористических армиях.

Возникнуть сама собой такая армия не может. Потому что её создание требует слишком больших ресурсов. А также наличия проектирующего задействие этих ресурсов субъекта. Причём субъекта, который может действовать закрыто, не опасаясь, что его опознают и разгромят раньше, чем он осуществит свой проект.

Это значит, что террористическая армия не может не быть творением того или иного государства-агрессора, искусственно создающего такую армию из оппозиционного материала. При этом государство-агрессор должно создать террористическую армию не абы как, а в качестве вооружённой структуры, внешне не имеющей никакого отношения к создающему её субъекту. Нужна, говоря условно, «прокладка». Такая прокладка (афганские талибы, «Аль-Каида», ИГИЛ и т. д.) имеет множество полезных для агрессора свойств.

Она (естественно, при должном снабжении, вооружении, организации, инструктировании

и т. п.) способна оказать нужное воздействие и принять на себя контрудар, не подставляя своего создателя. Если же прокладка слаба и объект воздействия (государство-жертва) успешно ей сопротивляется, то это сопротивление легко представить «мировому сообществу» ужасной войной против собственного народа, бесчеловечным и антидемократическим зверством. И убедить весь мир в необходимости совместных действий против этих «извергов».

В случае, если действия «прокладки» успешны и цели по уничтожению государства-жертвы достигнуты, то агрессор как бы ни при чём и избавлен даже от обязанностей послевоенного восстановления разрушенного государства. Ну кого волнует, как сейчас выживает послевоенная Ливия, бывшая одной из цветущих стран Северной Африки? Послевоенный хаос — удобное состояние для экономических спекуляций огромного масштаба. Например, для покупки по бросовым ценам незаконно добытых природных ре-

сурсов у местных банд.

Не так ли устроена «борьба» США с ИГИЛ на территории Сирии? Нефть идёт через прокладочные структуры за полцены, и туда, куда надо.

А ещё «прокладка» даёт прекрасную возможность избирательного выполнения любых соглашений, достигнутых в ходе конфликта. Ведь внешне «прокладка» выглядит самостоятельным субъектом, и если она нарушает договорённости, то по лишь ей известным причинам и поводам, не нанося никакого ущерба репутации своего создателя. А если вдобавок «прокладка» сконструирована из нескольких структур, якобы не зависимых друг от друга, то как с нею (с ними) договариваться?

«Прокладка» прекрасно маскирует истинные цели своего хозяина, а зачастую и не знает их вовсе. И вправду, зачем парикю, прикрывающему лысину, знать мысли владельца лысины? Члены различных исламистских группировок, объединённых идеей «халифата», вряд ли испыты-

вают горячую любовь к США и даже осмеливаются мечтать о будущем походе за океан, но по факту действуют строго в интересах США.

Если же вдруг «прокладка» начинает выходить за очерченные рамки, то сам же создатель готов помочь в её уничтожении (само собой, на определённых условиях), а взамен выторговать дополнительные преференции. Не потому ли сейчас США так активно протестуют против уничтожения «умеренных» банд в Сирии, что не оговорено участие американцев в последующем «разделе пирога»?

Вообще тактических вариантов использования «прокладки» — огромное множество.

Можно показательно уничтожить одну часть «прикормленных» террористических банд, чтобы все остальные играли по правилам хозяина.

Можно превратить помощь в уничтожении «прокладки» в серию «ошибочных» ударов, поражая борющиеся с «прокладкой» государственные структуры и таким образом «нечаянно» по-

могая ей. Как, например, под вывеской борьбы с ИГИЛ Турция наносит удары по курдским группировкам, противостоящим халифатистам.

И, конечно, можно выступить в роли посредника на переговорах об окончании военных действий и добиться искомых уступок, одновременно восстановив прекрасные отношения с объектом «прокладочной» агрессии.

При этом традиционная армия, вооружённые силы государства-агрессора в такой войне исполняют роль «занесённого меча», а не роль «меча разящего». Американские авианосцы за все эти годы реально воевали лишь несколько раз, но без такого инструмента давления США не смогли бы добиться многих из своих целей. Непосредственное и массовое участие в боевых действиях принимают именно «прокладки», сооружаемые на разнообразных принципах — от кланово-племенных и криминальных до идеологических и религиозных. В стране, охваченной инспирированной гражданской войной, очень

легко маскироваться спецподразделениям агрессора, выполняющим наиболее ответственные боевые задачи, требующие высокой квалификации исполнителя.

В результате использование «прокладки» оказывается просто сказочной схемой власти — способом всем распоряжаться и ни за что не отвечать. И востребованность структур, способных выполнить «прокладочную» военнополитическую задачу, в мире только растёт. Кто знает, в какой точке планеты и когда именно понадобится воевать за свои интересы чужими руками? Пусть «прокладки» дремлют в России, Индокитае, Средней Азии, Африке до поры до времени, до условного сигнала.

Что же может противопоставить такой угрозе среднестатистическое государство? И почему раз за разом оно не может оказать противодействия, казалось бы, разношёрстным «прокладкам», имея регулярную армию для отражения внешней агрессии и полицейские структуры для

нейтрализации внутренних эксцессов?

Дело в том, что «прокладка» хоть и выглядит как явление внутреннее, но обладает качествами и техническими возможностями небольшой армии. Может ли полиция справиться с армией, даже небольшой? Не может. С армией может справиться только армия. Но, во-первых, применение армии при отсутствии внешней агрессии весьма проблематично и с юридической, и с моральной точек зрения. Во-вторых, даже будучи задействованной против «прокладки», регулярная армия терзаемого «прокладкой» государства не сможет в полную силу использовать весь свой военный инструментарий без риска уничтожения собственного населения.

А главное — борясь с «прокладкой», регулярная армия неминуемо будет наносить удар по всем тем, кого «прокладка» втягивает в себя. А это в том числе и протестующая часть населения. То бишь народ. А регулярная армия, начинающая осуществлять действия, хоть в какой-то

мере являющиеся борьбой с собственным народом (или его частью), чуть раньше или чуть позже начнёт разрушаться изнутри.

Итак, регулярная армия не предназначена для борьбы с «прокладками». Полиция не располагает необходимыми для этой борьбы возможностями. И, наконец, регулярная армия, располагающая необходимыми возможностями, не может их задействовать в полной мере.

В результате проблема не решается, а только усугубляется. И тогда вариантов два: либо капитулировать и убегать, как это сделали власти Египта и Туниса, либо, используя всю мощь армии, «сжечь дом, чтоб мыши сдохли». И тем самым дать повод тому же агрессору объявить эту власть «преступным режимом», задушить санкциями и создать международную коалицию для «миротворческого» вторжения на «проблемную» территорию. Этот вариант избрали Каддафи и Асад.

Выбор, прямо скажем, небогатый.

«Прокладочное» вторжение тем и опасно, что производится **на стыке** полномочий силовых структур. Большинство государств планеты не готово действовать на этом стыке. У них нет силовой структуры с техническими возможностями армии и с нормативной юридической базой для боевых действий в условиях отсутствия военного положения.

Казалось бы, выход прост — усилить полицию тяжеловооружёнными частями армейского типа и разработать для них правовую базу. Нечто подобное сделано в России: существуют Внутренние войска МВД плюс нормативно-правовая база режима контртеррористической операции, объявляемого в нужном месте в нужное время.

Ещё один циничный, но общеизвестный вариант — создание «эскадронов смерти», тотально действующих вне правового поля и физически устраняющих идеологические и организационные предпосылки формирования враждебных «прокладок».

Но где гарантия, что эти структуры продолжат оставаться подконтрольными государству, и что потенциальный противник не соорудит «прокладку» именно из них?

Тут есть ещё один дополнительный момент, принципиально усложняющий нарисованную нами излишне технологизированную картину. Ведь участники (бойцы) «прокладки» — это люди, одушевлённые некоей идеей борьбы за справедливость, мечтой о другой, лучшей жизни. Для них существующая власть — препятствие для реализации высшего смысла бытия. Именно во имя смысла они идут на борьбу и на смерть. И что им за дело, если для власти их смысл кажется суррогатным? Для них — всё наоборот: суррогатны смыслы власти.

И этой их жаждой справедливости и мечтой о лучшей жизни, назвав их «общечеловеческими ценностями и демократическими принципами», бессовестно пользуются те, кто делает из них «прокладку».

Вполне корректно сравнивать всё с живым организмом. Если традиционная война более всего похожа на нанесение ран и увечий в открытом поединке, то война нынешняя — инфицирование клеток этого организма вирусами. Вирусы активируют недолеченные болезни, аллергии, действуют на все слабые места. Заражённые клетки начинают интенсивно пожирать окружающую плоть, расширяя злокачественную опухоль. Для её удаления приходится применять жёсткие средства, ослабляющие весь остальной организм. В такой ситуации спасти может только врач, который знает, как лечить болезнь, и не воспользуется твоим ослабленным состоянием. Или — способность каждой клетки организма отторгать чужеродные вирусы, иначе говоря — общество с идеалами, находящееся в прочной связи с властью, проводящей эти идеалы в жизнь.

Общество без идеалов, родных для каждого члена этого общества, — организм без иммунитета, мечта любого вируса. Такое общество

не только не способно противостоять чужеродному неявному вторжению — оно очень быстро становится одной большой «прокладкой», действующей в интересах агрессора, запустившего вирус.

Сможет ли Россия обрести способность нейтрализовать суррогаты, превращающие народы и страны в вирусные «прокладки»?

Сергей Кузьмичёв

Социальная война

Болонская мина под отечественное медо- бразование

В последние 20 с лишним лет был взят курс на децентрализацию и коммерциализацию здравоохранения. Поэтому сейчас нужно такое медицинское образование, которое не будет находиться в антагонистическом противоречии с новой системой

Не так давно Минздрав объявил о стартовой в стране реформе российской системы высшего медицинского образования. Как утверждают в министерстве, эта реформа позволит приблизить российскую систему медицинского образования к западным стандартам.

Инициаторы реформ предлагают упразднить первый обязательный этап постдипломного образования — интернатуру. Углубить специализацию выпускники смогут только в ординатуре, сроки обучения в которой значительно увеличатся. Кроме того, вводится новая система допуска к медицинской деятельности — аккредитация специалистов. Вводятся также единая система лицензирования и регистр медицинских кадров.

Утверждается, что в результате подобных нововведений в выигрыше окажутся пациенты — мол, качество медицинской помощи должно возрасти. Впрочем, с таким оптимизмом министерских чиновников согласны далеко не все препо-

даватели и врачи. И вот почему.

В советское время существовала единая государственная система медицинского дипломного и постдипломного образования. Для того чтобы стать полноценным профессионалом, выпускнику медицинского вуза необходимо было пройти две ступени постдипломного медицинского образования: интернатуру (1 год) и ординатуру (2 года). Именно там выпускник углублённо осваивал выбранную специальность. Участвовал в обследовании и лечении пациентов крупных стационаров. Учился под постоянным контролем опытных врачей, способных подстраховать его от ошибок. А затем, на протяжении всей профессиональной деятельности, совершенствовал своё мастерство как на практике, так и регулярно обучаясь на курсах повышения квалификации врачей.

Подчеркну, советская система медицинского образования отвечала принципам советской системы здравоохранения (государственный ха-

актер; бесплатность и общедоступность; профилактическая направленность; единство науки и практики). Подчеркну также, что эта система медицинского образования до последнего времени применялась в нашей стране.

Однако за последние 20 с лишним лет были разрушены базовые принципы советской системы здравоохранения — был взят курс на децентрализацию и коммерциализацию здравоохранения.

Конечно же, нужно такое медицинское образование, которое не будет находиться в антагонистическом противоречии с новой системой здравоохранения. А существующее, по сути, советское медицинское образование, как мы только что убедились, находится именно в таком противоречии с новой системой здравоохранения. Да и с новой криминально-буржуазной системой в целом.

К этому решающему обстоятельству, действительно требующему какого-то изменения — ли-

бо системы здравоохранения и всей системы в целом, либо системы медицинского образования — необходимо добавить и другие, несколько более масштабные обстоятельства, требующие того же самого.

Одно из них — технологическая революция, коснувшаяся всех сфер медицины. Безусловно, она стала серьёзным фактором, требующим нового подхода к подготовке будущих врачей. Споры нет, медицинское образование должно учитывать новые реальности современной, специализированной, высокотехнологичной медицины.

Другое обстоятельство аналогичного свойства — обязательства, взятые на себя РФ во всём, что касается образования вообще и медицинского в частности.

Реформировать отечественное медицинское образование начали ещё в 2003 году, когда Россия присоединилась к Болонской декларации. Цели и методы внедрения Болонской системы в России подробно разобраны в статье П. Ра-

синского «Болонская химера» («Суть времени», № 58, 11.12.2013). Здесь лишь подчеркну, что, подписав Болонскую декларацию, Россия приняла на себя вполне определённые обязательства по реформированию высшей медицинской школы в соответствии с европейскими стандартами.

С 2011 года в медицинских вузах страны преподавание идёт по обновлённой программе. Эта программа подразумевает, в том числе, сокращение (и так недостаточного) количества часов практических и лекционных занятий по медицинским специальностям. Зато около 40% объёма обучения передано студенту на самоподготовку, а также на дистанционное обучение. Однако что такое студенческая самоподготовка? Преподаватели ряда региональных медицинских вузов подчёркивают, что этим нововведением был разорван взаимосвязанный процесс медицинского обучения, что в результате *«качество медицинских знаний студентов снизилось чудовищно»*.

Одновременно в образовательный процесс была введена так называемая симуляционная методика обучения. О чём идёт речь?

Студенты советских медицинских вузов получали знания, что называется, из первых рук — от педагогов, являющихся по совместительству опытными практикующими врачами. Кроме того, для многих студентов, которые большую часть учебного времени проводили у постели больного, учителями становились сами пациенты «со стажем» (с длительно текущими хроническими заболеваниями), которые с большим удовольствием, почти с отеческой заботой помогали студентам разбираться в конкретном клиническом случае. Наконец, в советском медицинском вузе поощрялась работа студента в свободное от учёбы время в качестве медсестры или медбрата в отделениях институтских клиник.

С введением Болонской системы в российских медицинских вузах общение с пациентами сведено к минимуму. Свои навыки студенты се-

годня отрабатывают на фантомах и муляжах, якобы моделирующих любую клиническую ситуацию. Однако — и об этом говорят практически все врачи — «сердечные тоны» или «ритмы перепела» студент сможет запомнить на всю жизнь только тогда, когда он прослушает живого человека, а не кусок пластмассы, пусть и нашпигованной электроникой. Да простит читатель мне мою аналогию, но любить живого человека или удовлетворять свои физиологические потребности с куклой — две абсолютно разные вещи.

Так вот, с окончательным введением в 2016 году симуляционного обучения молодые врачи смогут апробировать свои навыки на живом человеке, только обучаясь в ординатуре.

И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали. К тем нововведениям, которые ожидают российское медицинское образование в 2016 году. Нам обещают, что с упразднением интернатуры увеличится срок обучения в ординатуре. В зависимости от выбранной специальности предлага-

ется обучение в течение 2–5 лет. Почти как на Западе!

Однако, по новым правилам, все выпускники медицинских вузов попробовать поступить в ординатуру смогут, только (внимание!) отработав три года терапевтами в поликлинике. И эти правила действуют для всех выпускников лечебных факультетов. То есть выпускники 2016–2017 гг. сразу же, минуя постдипломное образование, получают допуск к аккредитации, а соответственно — право на работу с пациентами. Не доучившись! Не имея опыта ни в профессии, ни в общении с пациентами!

«Более неадекватное решение мне сложно припомнить», — комментирует ситуацию профессор кафедры поликлинической терапии Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н. И. Пирогова, заслуженный врач РФ Б. Барт.

Б. Барт уверен, что за всеми этими реформами стоит одна единственная цель — «залатать»

дыры в первичном звене здравоохранения. Игнорируется при этом тот факт, что престиж участкового врача, фактически выполняющего функции диспетчера по расписовке пациентов по узким специалистам, стремительно падает. Игнорируется и то, что растущие нагрузки по приёму больных, куча бумажной работы, отсутствие возможности самообразования и развития приводят к быстрому «выгоранию» специалистов. И, в конечном счёте, к уходу специалистов из поликлиники, а часто — и из врачебной профессии.

Однако чиновников Минздрава эти обстоятельства не смущают. Как не смущает и то, что недоученный выпускник медицинского вуза, оказавшись в поликлинике на роли диспетчера, очень быстро разочаруется в профессии. Утверждается, что таким образом создаются условия естественного отбора, в ходе которого можно будет «выявить способных и удалить из медицины случайных людей». Расчёт делается на то, что к поступлению в ординатуру подойдут не более

65% выпускников.

Но продолжим. Минздрав в качестве одной из важных составляющих реформ медицинского образования называет создание университетских клиник. Речь идёт о создании научно-практической базы для подготовки молодых специалистов.

Что ж, медицинское образование России всегда отличалось тем, что студенты, учащиеся интернатуры или ординатуры имели возможность приобретать профессиональные умения уже в процессе обучения. Такая возможность у учащихся была на базе институтских клиник. Кроме того, этому способствовала тесная связь практического здравоохранения с медицинскими вузами, оптимальная как для больниц, которые могли привлекать для консультирования больных высококлассных академических специалистов (докторов наук, доцентов, профессоров), так и для вузов, которые обучают своих студентов на «клинической базе».

Однако, уверяют эксперты, «таперича не то, что давеча». Сегодня создание научно-практической базы, отвечающей современным требованиям медицины, может оказаться непосильным бременем для медицинских университетов, прежде всего по экономическим соображениям.

Кроме того, и об этом мы не раз говорили, «оптимизация» здравоохранения оборачивается массовым закрытием больниц и клиник. А ведь многие из них являются «клиническими базами» медицинских университетов. А те больницы, которые после «оптимизации» оказались в другой ведомственной подчинённости или в другой форме собственности, всё чаще отказывают вузовским работникам в допуске к участию в лечении их пациентов. У вузов, говорят эксперты, реально появились проблемы с практической подготовкой студентов.

Эксперты объясняют это явление просто. Сегодня руководители клиник и лечащие врачи

несут полную юридическую ответственность перед пациентом и страховой компанией. Спросить с лица, которое не является штатным сотрудником медицинского учреждения, практически невозможно. И, добавлю, накладно. Если что-то пойдёт не так, затаскают по судам или оштрафуют.

Поэтому сегодня не исключена ситуация, когда выпускник медицинского вуза, выдержавший три года работы в качестве «диспетчера» в поликлинике, решившись всё же поступить в ординатуру (а только после её окончания он может считаться полноценным специалистом), получит постдипломное образование не в клинике у постели больного под руководством опытного наставника, а в одном из многочисленных симуляционных центров, по непонятным, но стандартным, спущенным «сверху» программам.

Однако это устраивает российских чиновников. Поскольку цель проводимого ими реформирования — в выращивании квалифицирован-

ных работников, действующих в строгом соответствии с международными стандартами. Добавим: которых легко будет менять или... затыкать ими образовавшиеся «дыры». Специалисты, способные по настоящему клинически мыслить, индивидуально подходить к каждому пациенту, чем всегда славилась отечественная медицинская образовательная школа, не нужны новой системе.

«Такие реформы, — говорит Б. Барт, — аукнутся в ближайшем будущем в виде неверных диагнозов и, как следствие, неправильным лечением больных со всеми вытекающими последствиями».

И вместо заключения.

Когда, например, в британские клиники, приходит очередная волна выпускников английских медицинских школ, смертность в стране возрастает на 8%.

Вопрос: какой процент смертности будет в России? И на что тогда спишет эту возросшую

смертность Минздрав? На кризис? Демографию? Очередную эпидемию гриппа? Но ведь спишут! Обязательно спишут! Так было, и не раз! А затем... опять начнут что-то оптимизировать?

Михаил Дмитриев

Мироустроительная война

Судьба «Талибана»

Добровольцы из исламского мира, которых раньше привлекал джихадизм талибов, теперь увлечены суперджихадизмом ИГ

В начале 2015 года руководство «Исламского государства» объявило о намерении создать новую крупную провинцию халифата — «эмират Хорасан». В состав этого эмирата должны быть включены территории Афганистана, Пакистана, Индии, Бангладеш, а также бывших советских республик Средней Азии. Кроме того, трудно представить, чтобы такой проект не включал в себя никаких иранских территорий.

Но в афгано-пакистанской зоне много лет действовал проект строительства собственного радикально-исламистского государства. Это проект движения «Талибан», сформировавшегося в начале 90-х годов в системе медресе на севере Пакистана под покровительством Саудовской Аравии и Соединённых Штатов. А значит, неизбежна была встреча нового мироустроительного проекта — «Исламского государства» — со старым проектом «Талибана». Среди экспертов-восточников бытует мнение, что в Афганистане сталкиваются саудовские протеже из «Талибана» с катарскими протеже из ИГ.

Положение талибов непросто. За 20 лет их старый проект утратил новизну и потерял разбег. Годы американского военного присутствия в Афганистане и подавления талибов с воздуха почти стёрли воспоминания о временах, когда талибов обучали в Пакистане американские инструкторы на саудовские деньги. Добровольцы из исламского мира, которых раньше привлекал джиха-

дизм талибов, теперь увлечены суперджихадизмом ИГ. Значит, в сегодняшнем исламском мире талибам придётся заново отстаивать своё право на существование.

При этом заявление ИГ об «эмирате Хорасан» не было пустым выкриком, рассчитанным только на рост политического напряжения. Одновременно с заявлениями «Исламское государство» вело активную деятельность по внедрению своих групп в Афганистан. В результате этих действий к осени 2015 года представители ИГ имелись в 25 из 34 афганских провинций.

Всё это означает, что вопрос об отношениях с талибами стоит для ИГ так:

или быстрое получение присяги от структуры «Талибан»,

или война со всем движением,

или дробление движения, получение присяги одних его частей и подавление других.

Первый вариант уже не удался. Теперь ИГ приходится выбирать между вторым и третьим

вариантами. Действия же нового халифата в Афганистане говорят о том, что стремится ИГ именно к третьему.

Далее, возникает впечатление, что идущий в «Талибане» процесс обновления был стимулирован со стороны таким образом, чтобы помочь усилиям ИГ.

Новая политическая жизнь движения «Талибан» началась с того момента, когда в конце июля 2015 года было сделано сразу несколько заявлений о смерти лидера талибов муллы Омара. Первыми эту информацию вбросили 29 июля BBC и «Аль-Джазира», а затем 30 июля её подтвердили американские официальные лица и сами талибы.

Жизнь муллы Омара закончилась не сейчас, а ещё в 2013 году. Однако в течение долгого времени достоверные сведения об этом в СМИ не попадали. Теперь наступил момент, когда скрывать дольше отсутствие у движения «Талибан» духовного лидера стало невозможно.

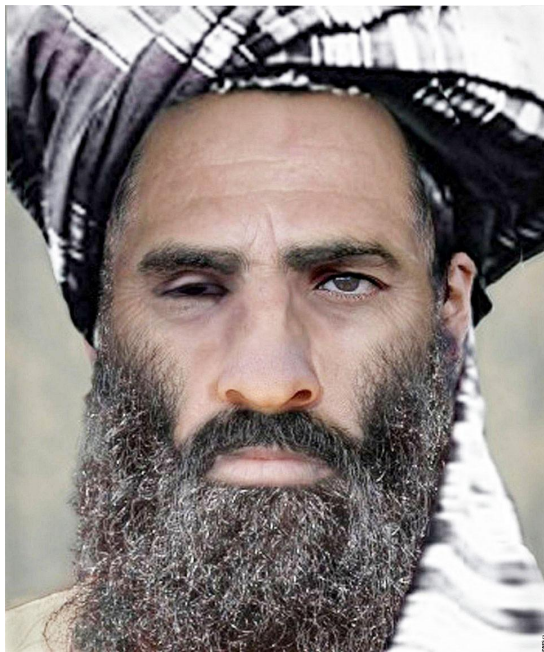
Значение этого обстоятельства понятно: пока талибы публично не признают своего эмира умершим, они всё ещё как бы управляются им и верны своей присяге. А с момента признания талибы объявляют тем самым, что место духовного вождя свободно, а значит — в ближайшее время предстоит решение о том, кто именно его займёт.

В эту картину логично вписывается и начатое талибами активное военное наступление в Афганистане, второе за историю движения. Ведь если талибы не наступают и не строят своё исламское государство — то движению не только трудно противостоять ИГ, которое своё государство активно строит. Ему трудно вообще обосновать своё существование как таковое.

Итак, к 29 июля 2015 года талибами было захвачено не менее 80 деревень в провинции Кундуз, на севере Афганистана.

30 июля талибы подтвердили сообщения о смерти муллы Омара, а 31 июля объявили об

избрании нового главы талибов, которым стал мулла Ахтар Мохаммад Мансур.

Ахтар Мохаммад Мансур

Ахтар Мохаммад Мансур в 2000-е годы был сначала губернатором Кандагара от талибов, а затем министром гражданской авиации и транспорта. Потом его карьера прервалась и он оказался в Пакистане, где находился в заключении.

В 2006 году мулла Мансур вернулся в Афганистан.

В 2009 году он уже был начальником военного крыла «Талибана». В последние годы его называли заместителем муллы Омара. И вот теперь он стал первым лицом в движении.

Карьера муллы Мансура примечательна своей постоянной привязкой к Пакистану. Новый эмир талибов имеет устойчивую репутацию «человека пакистанской межведомственной разведки ISI». Заседание руководства «Талибана», на котором он был избран, проводилось в пакистанском городе Кветта.

Новый карьерный взлёт муллы Мансура одобрили далеко не все члены движения «Тали-

бан». Например, брат покойного муллы Омара — мулла Абдул Манан — нового лидера движения не принял. И это неприятие поставило всё движение на грань раскола.

Причём возник этот раскол очень быстро. Как сообщала пакистанская *The Express Tribune*, сразу после объявления о смерти муллы Омара сформировалась влиятельная группа в руководстве талибов, которая сочла, что избрание Ахтара Мансура эмиром произведено в обход правил. В связи с этим возникшая группа отказалась подчиняться новому эмиру. Кроме Абдула Манана, в неё вошли также доверенное лицо муллы Омара Мутасим Ага Джан и авторитетный командир Мансур Дадулла.

По данным из близких талибам кругов, распространяемым в СМИ, в Кветте произошло следующее: когда мулла Мансур был объявлен преемником муллы Омара, с собрания демонстративно ушли брат покойного Абдул Манан, старший сын умершего эмира мулла Якуб и несколь-

ко влиятельных членов движения. Далее ушедших поддержали группа полевых командиров и несколько тысяч боевиков.

После этого мулла Абдул Манан, опираясь на верную ему часть талибов, заявил, что Ахтара Мансура нельзя считать последователем муллы Омара, так как он был избран шурой без участия целого ряда уполномоченных лиц. По существу, талибы встали перед традиционным вопросом мусульман: должен ли становиться преемником духовного лидера его ближайший наследник (сын муллы Омара Якуб) или другой избираемый член общины?

Свое мнение мулла Абдул Манан разъяснил в радиообращении: *«Мы готовы признать только того эмира, в избрании которого примут участие основатели «Талибан», а также исламские богословы, стоявшие у истоков этого движения и Исламского Эмирата Афганистан».*

Избранный с такими трудностями новый

эмир талибов, со своей стороны, тоже выступил с обращением. Он призывал талибов к единству и продолжению борьбы: *«Мы все ответственны за продолжение джихада до тех пор, пока мы не провозгласим исламское государство»*. Тем самым мулла Мансур явным образом подчёркивал, что у «Талибана» по-прежнему имеется собственный проект исламского государства, отличный от ИГ.

Вскоре после этого силы «Исламского государства» совершили прямое вмешательство в конфликтную ситуацию.

Противоречия внутри движения «Талибан» между группировкой муллы Ахтар Мансура и группировкой муллы Абдул Манана быстро привели к вооружённым столкновениям. В южной афганской провинции Забуль противник нового эмира Абдул Манан со своими приверженцами подвергся нападению со стороны двух тысяч талибов, верных новому эмиру. По-видимому, положение атакованных было

критическим, поскольку их пришлось срочно эвакуировать с места столкновения. Причём эвакуация, по данным МВД Афганистана, оказалась произведена силами боевиков «Исламского государства». Которые именно для этой операции были отправлены в провинцию Забуль числом 230 человек.

Согласитесь, описанные действия боевиков ИГ трудно назвать спонтанными. Они впечатляют своей точностью, быстротой и скоординированностью.

Следствием достигнутого успеха стало то, что брат и сын первого эмира талибов — мулла Абдул Манан и мулла Якуб, отказавшись присягнуть новому эмиру талибов, присягнули «Исламскому государству». Это означает, что семья основателя движения «Талибан» должна была бы привести в «Исламское государство» и своих сторонников.

Таким образом, возникало как бы два разных «Талибана».

Один — это та его часть, которую возглавил

мулла Ахтар Мансур, представитель так называемых «новых талибов», прочно ориентирующийся на Пакистан.

А другой — представители старой группы «яростных мулл» (членов семьи умершего лидера талибов муллы Омара). Они присягнули ИГ. И тем самым, по сути, стали афганским филиалом ИГ.

Для «Талибана» — а одновременно и для пуштунов, составляющих этническую основу движения, — такое разделение может привести только к катастрофе братоубийственной войны. В руководстве «Талибан» это, без сомнения, прекрасно понимают. В Пакистане, очевидно, тоже отчётливо осознают последствия расширения влияния ИГ в регионе и превращения афгано-пакистанской границы в аналог сирийско-иракской.

Сумма этих пониманий привела к тому, что положение вскоре изменилось следующим образом.

К 19 сентября текущего года семья муллы Омара, наконец, согласилась признать нового эмира талибов Ахтара Мохаммада Мансура, о чём поспешил объявить сайт талибов. Поскольку ИГ вряд ли простит чей-либо отход от присяги своему халифу, то можно ожидать, что между ядром талибов и «Исламским государством» предстоит жестокая война. И эта война уже начинается во многих районах Афганистана. Хотя параллельно ИГ стремится откалывать от «Талибана» те или иные региональные группы.

В этой ситуации обновлённый «Талибан» торопится с наступлением на север Афганистана и одновременно старается заручиться поддержкой в северной части центрально-азиатского региона, а потому посылает туда необычные для себя сигналы.

В 20-х числах сентября 2015 года новый эмир талибов мулла Ахтар Мансур в обращении перед празднованием курбан-байрама заявил, что движение «Талибан» не представляет угрозы

для стран бывшего СССР. В целом его выступление выглядит как приглашение к построению отношений на основе крайнего антиамериканизма: *«Захватчики и их внутренние сторонники... стремятся представить наши победы на севере Афганистана в качестве опасности для наших северных соседей и пытаются включить их в свой союз. Но наша политика ясна для наших соседей. Они не должны видеть нас глазами наших врагов. Если администрация Кабула хочет завершить войну и установить мир, то это возможно при окончании оккупации и отказе от всех соглашений с захватчиками в военной области и в сфере безопасности»*. То есть талибы обещают в случае успешного захвата Афганистана не трогать Среднюю Азию.

Так от кого на самом деле исходит это послание, которое слышат и в Кабуле, и в странах Средней Азии, и в Москве, и, очевидно, за океаном? Только ли от пуштунов? Или в нём слышится голос тех ведомств Пакистана, которые так хоро-

шо относятся к новому эмиру «Талибана»? Не является ли «новый Талибан» производением того «нового Пакистана», который всё более ориентируется на сотрудничество с Китаем? Случайно ли такие повороты сознания совпадают с визитами в РФ министра обороны Саудовской Аравии? И, наконец, что думают обо всём случившемся в тех медресе на севере Пакистана, где кровные родственники членов афганской НДПА становились талибами?

Пока что ясно одно: России стоит внимательно разобраться в этих вопросах, не торопясь «мыть сапоги» сразу во всех южных акваториях. А значит, именно теперь необходимо особенно пристально следить за ходом боевых действий в Афганистане, где начинается новая мироустроительная война.

(Продолжение следует.)

Мария Подкопаева

Война идей

Гремучая смесь для Европы

Принцип мультикультурализма всё чаще входит в противоречие с краеугольным для Запада принципом свободы слова и порождает воистину «адскую» культурно-правовую смесь

Последние месяцы одной из наиболее обсуждаемых тем в европейских СМИ стала тема массового потока беженцев в страны Евросоюза. Евросоюз уже начинает нести огромные издержки, не только экономические, но и идеологические: беженцы проблематизировали общезапад-

ную идеологему под названием «мультикультурализм».

Впервые понятие мультикультурализма возникло в Канаде в 60-х годах XX века, во время политического обострения в Квебеке и угрозы сепаратизма, а опробоваться мультикультурализм стал в 70-х. Тогда же идея становится популярной и в других государствах Запада, в том числе в США, заменив знаменитый принцип «плавленного котла». Мультикультурализм знаменует собой переход от ассимиляционной политики к политике параллельного существования культур, где различным этническим, конфессиональным или культурным группам предоставляются широкие права и возможности, в том числе политические. Наряду с толерантностью, это сегодня общепринятая на Западе идея по вопросам межэтнических или межкультурных отношений.

Красивое и с виду политически элегантное решение проблем через мультикультурализм, ещё и довольно практичное в парадигме глобализа-

ции, тем не менее, в XXI веке начинает трещать по швам. Сначала наиболее внимательные исследователи, а к 2010 году — уже главы европейских государств, заговорили о крахе проводимой политики мультикультурализма. Потом произошло два значительных события, поставивших под сомнение вообще идею мультикультурализма как таковую.

Первое — теракт 22 июля 2011 года, совершённый норвежцем Андерсом Брейвиком на почве расовой ненависти. Чуть позже Брейвик опубликовал свой манифест, насыщенный нацистскими идеями и содержащий в числе прочего яростную критику политики мультикультурализма. Брейвик получает беспрецедентное по мягкости наказание (21 год заключения) и... ведёт из тюрьмы политическую деятельность.

Второе событие — это теракт в офисе редакции провокационного французского журнала Charlie Hebdo («Шарли Эбдо») 7 января 2015 года. При нападении было убито 12 сотрудников

издания, мотив — публикация карикатур на ислам и пророка Мухаммеда, а также карикатуры на лидера ИГИЛ. Событие, как известно, вызвало беспрецедентную акцию по поддержке «шарлистов». Во Франции прошли митинги и манифестации, в том числе с участием глав европейских государств. Наиболее массовая манифестация — Марш Республики — собрала 2 миллиона человек. Появился мем «Я — Шарли», выражающий солидарность с «Шарли Эбдо», а по сути — утверждение дозволенности выступать оскорбительно по отношению к чужим религиозным и культурным ценностям. Следом пошли заявления, что свобода слова превышает этих самых культурных особенностей и ценностей. Такая солидарность — будем называть вещи своими именами — с провокаторами является не чем иным, как самораскручивающейся провокацией. И фактически история с «Шарли Эбдо» поставила жирный крест на и без того малосостоятельной идее мультикультурализма.

Мультикультурализм — и это долго предъявлялось как его сильнейшая сторона — лишён идеологической надстройки, она в нём заменена принципом мирного сосуществования различных этносов, культур и религий и регулируется чисто законодательными или же репрессивными мерами. В отличие от ассимиляционной политики эпохи классического Модерна, где всё строилось на утверждении, что любая нация может двигаться по лестнице прогресса так же, как и передовая западная часть человечества, в новой парадигме «бремя белых» и прогресс для всех отменяются. Вместо этого отстаивается право самобытных культур на неразвитие и даже бóльшую архаизацию. Таким образом, представители разнообразных культур не существуют вместе ради движения к общей цели (её просто нет), а предоставлены сами себе, хоть и находятся в неких рамках. Повторим, достаточно формальных.

Стоит также отметить, что принцип мульти-

культурализма всё чаще входит в противоречие с краеугольным для Запада принципом свободы слова и порождает воистину «адскую» культурно-правовую смесь. Чего стоят инциденты наподобие рекламных плакатов в США с призывами убивать евреев, которые суд счёл проявлениями свободы слова, а также недавний случай, когда ЕСПЧ оправдал турецкого политика Доггу Перинчека, отрицающего факт геноцида армян (тоже квалифицировано как проявление свободы слова). Само собой, произошедший на наших глазах сдвиг от хоть какой-то упорядоченности в рамках мультикультурального подхода к полному обвалу его теории и практики сильнейшим образом подогрел межнациональную напряжённость в Европе.

Но главное началось позже. Какими бы резкими всплесками ни были прецеденты Брейвика и «Шарли Эбдо», они оказались слабее длящейся ситуации с беженцами, хлынувшими в Европу в нынешнем 2015 году. Если теракты по-

казали обществу принципиальную несостоятельность мультикультурализма, то приток беженцев стал постоянным и всё возрастающим испытанием (точнее было бы сказать — «пыткой») общества мультикультурализмом. Второе куда серьёзней.

Сам приток беженцев в Евросоюз начинался постепенно, но к лету 2015 года принял уже колоссальные масштабы. Причины общеизвестны: резкое ухудшение обстановки и условий жизни в странах Африки и Ближнего Востока, последствия «арабских вёсен» и следовавших за ними гражданских войн, распространение радикального исламизма в лице ИГ. Что, по сути, является результатом ближневосточных авантур США и их партнёров по НАТО. Эти европейские партнёры и несут сейчас основные издержки в виде беженцев. Но помимо США, которые не несут никаких издержек, более того, благодаря ситуации с беженцами ослабляют своего конкурента — Евросоюз, — в процессе есть ещё один бенефициар.

Его и рассмотрим далее.

Наиболее тревожным следствием сложившейся ситуации является стремительный рост экстремизма и преступлений на почве расовой ненависти. Так, в соответствии с докладом еврокомиссара по правам человека Нильса Мужниекса, в 2014 году в ФРГ было зафиксировано 512 преступлений по расистским и националистическим мотивам, а за первую половину 2015 года их уже совершено 473. Это при том, что обстановка с беженцами начала обостряться не в первой половине 2015 года, а только летом. Из Германии — самой привлекательной в плане соцобеспечений и уровня жизни для беженцев страны — практически еженедельно приходят известия о погромах и поджогах лагерей беженцев, совершаемых праворадикальными группировками. Подобные случаи имеют место и в Финляндии: например, 25 сентября националистами было совершено нападение на автобус с беженцами, а 7 октября была предпринята попытка под-

жога в Центре Финского Красного Креста Ламми. В то же время в Германии снова активизируется движение PEGIDA (*Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes* — «Европейские патриоты против исламизации Старого Света»), которое начинает регулярно собирать по несколько тысяч сторонников на свои митинги. Стоит заметить, что пик численности на их митингах был замечен как раз после терактов в «Шарли Эбдо». И если изначально в акциях принимали участие в основном футбольные ультрас и представители правых группировок, то сейчас состав сторонников PEGIDA расширяется.

В настоящий момент ситуация вокруг лагерей беженцев крайне напряжена — она явно выходит из-под контроля, а в сотрудниках полиции для охраны приютов ощущается нехватка. Об этом на одной из недавних пресс-конференций заявил глава профсоюза полиции ФРГ Райнер Вендт, упомянув, что в 2015 году только полиция

Гамбурга более 1 000 раз приезжала по вызову в места размещения беженцев, а в федеральной земле Баден-Вюртемберг — более 2 000 раз.

Однако наблюдается не только рост радикальных настроений в активных низах европейских обществ, но и рост популярности правых и ультраправых партий. В отдельных регионах Франции на фоне ситуации с беженцами популярность «Национального фронта» и её лидера Марин Ле Пен достигает 40%. В Австрии, на региональных выборах в Вене, прошедших 11 октября, правонационалистическая Австрийская партия свободы впервые за свою историю набирает 30,9% голосов. Особо показательно, что в предвыборной агитации одной из центральных тем были как раз беженцы. В Германии, судя по недавним соцопросам, народ пока не готов отдать свои голоса в руки ультраправой Национал-демократической партии, но уже разочаровывается в политике Меркель и передаёт свои симпатии евроскептикам и консерваторам из партии

«Альтернатива для Германии».

В целом, тенденции вырисовываются более чем тревожные, а политическая и идеологическая системы в Европе в текущем своём состоянии не способны сколь-нибудь эффективно их переломить. И чем более эта неспособность будет обнажаться, тем более радикально правыми будут становиться настроения в обществе.

Мультикультурализм, не имеющий внятной идеологической надстройки и призванный лишь обеспечить статус-кво между представителями разных культур и религий, не способен выдерживать подобные нагрузки. Попыток же найти другую концепцию дружественного сосуществования в Европе не предпринимается, несмотря на обсуждение краха мультикультурализма, идущее всё последнее десятилетие. За догму мультикультурализма, как за спасительную соломинку, держатся и нынешний европейский истеблишмент, и представители либеральных и левацких движений. Однако наличие такой соломин-

ки не утешает европейское общество, и так уже до предела накалённое. Ведь острота культурных противоречий и тупиковость идей мультикультурализма видны даже простому обывателю, причём невооружённым глазом. Но хуже всего, что обсуждение отказа от политики мультикультурализма отдано на откуп правым и ультраправым. Случайно ли?

В итоге получается практически безальтернативная ситуация: европейцам предлагается выбор между уже набившим оскомину и по факту взрывающим социум мультикультурализмом, таким отравленным плодом либеральной политической мысли, и — «предложениями» от различных правых сил. Тут веер возможностей широк — от мягких правоконсервативных идей до неонацизма. Принципиально же иного пути, который бы обеспечил мирное сосуществование людей различных конфессий и культур и не привёл к зарождению нового рейха, — никто не предлагает.

Хотя этот альтернативный путь существует: достаточно обратиться к русскому опыту как имперского периода, так и советского, когда многонациональное и многоконфессиональное государство могло двигаться к достижению общей для слагающих его народов цели.

В любом случае, нам не стоит обольщаться перспективами взрыва европейского мультикультурного котла, ожидая для себя каких-либо выгод от устранения Европы как сильного конкурента. Развитие фашистских настроений неизбежно и закономерно приведёт к очередному «дранг нах остен», а в таком случае сторонники наблюдателями мы точно не останемся. Отечественные либералы привычно присягают Западу в лице США, а отечественные правые мечтают слиться в объятиях с «европейским бенефициаром» (это, безусловно, крайние правые Европы), мы же скажем — специально без высоких слов — что ни та, ни другая концепция мироустройства для России просто непригодны. Слишком мно-

го различных народностей со своими культурами и вероисповеданиями. И гармонизация внутренней жизни страны без катаклизмов и взаимного истребления возможна тут, как и прежде, лишь при добровольном принятии объединяющей идеи. Благо, опыт есть.

Андрей Лавренчук

Диффузные сепаратистские войны

Белоленточная угроза образца 2015 года

Как говорится в таких случаях, мечтать не запретишь. Но в реальности — и это все понимают — у Касьянова и других нет никаких шансов победить на выборах Путина с его крайне высоким рейтингом

Когда мы говорим об угрозе территориальной целостности России и опасности политической дестабилизации со стороны белоленточников, то подразумеваем сразу несколько связанных между собой процессов.

Процесс № 1 — нагнетание со стороны внесистемных (и части системных) либералов

и националистов-уменьшителей протестных настроений в обществе. Это осуществляется через проведение дискредитирующих российскую власть информационно-пропагандистских кампаний и организацию антивластных маршей и митингов. При этом оппозиционеры активно используют в своей агитации ухудшение экономической ситуации в стране, а также связанное с этим понижение уровня жизни и социальной защищённости населения.

Сюда же можно отнести и появление в СМИ различного рода пропагандистских материалов, в которых авторы ставят под сомнение целесообразность сохранения России в нынешнем формате.

Процесс № 2 — попытки представителей оппозиционных либеральных партий выбраться в законодательные органы власти для проведения тех политических и экономических реформ, которые адресуют к децентрализации управления и ослаблению государства.

Забегаая вперёд, отметим, что, пройдя первую «пробу сил» на недавних осенних выборах в региональные и муниципальные органы власти, внесистемные либералы готовятся к думской кампании 2016 года. А если говорить точнее, к очередной протестной раскрутке результатов выборов по образцу т. н. «снежной революции» 2011–2012 гг.

Процесс № 3 — контакты белоленточников со своими союзниками на Украине, в Европе и США. Подчеркнём, что практически все эти союзники настроены негативно в отношении российской власти, а часть из них имеет конкретные планы по политической дестабилизации России.

Рассмотрим, как развиваются эти процессы с весны 2015 года.

Напомним, что этой весной после переговоров лидера РПР-ПАРНАС М. Касьянова с экс-олигархом и политэмигрантом М. Ходорковским последовало несколько событий, задавших новый формат работы внесистемной либеральной

оппозиции.

Во-первых, в апреле РПР-ПАРНАС, «Партия прогресса» А. Навального и партия «Демократический выбор» создали коалицию для участия в выборных кампаниях 2015–2016 годов.

Во-вторых, тогда же М. Касьянов заявил о более тесном сотрудничестве с А. Навальным и М. Ходорковским, вплоть до возможного назначения последних сопредседателями РПР-ПАРНАС.

И, в-третьих, от лидеров демократической коалиции прозвучали заявления о целях нового политического блока.

21 мая во французском издании *Politique Internationale* появилось интервью М. Касьянова, где было сказано следующее: *«Моя мечта и моё намерение — организовать исход Путина из власти с помощью выборов. В этом году необходимо увеличить давление на Путина, вынудить его провести политические реформы... Я не хочу рассматривать другие сценарии, так*

как я против революций. Но может быть, это будет единственный способ».

Что значит «организовать исход Путина из власти с помощью выборов»? Как говорится в таких случаях, мечтать не запретишь. Но в реальности — и это все понимают — у Касьянова и других нет никаких шансов победить на выборах Путина с его крайне высоким рейтингом. Поэтому, сказав об этой мечте, Касьянов тут же говорит о необходимости увеличить на Путина некое давление. Что за давление? Давление, будучи увеличенным, должно вынудить Путина на проведение политических реформ, которые загонят власть в тупик. Перестройка-2 в чистом виде: оказываем давление на Горбачёва, загоняем его в тупик, потом снимаем.

Но Путин — не Горбачёв. Поэтому тут же, начав во здравие и сообщив о своей мечте побеждать на выборах, Касьянов вбрасывает идею революции. Причём по-фарисейски: мне очень не хочется, но... Ой ли, не хочется... Так хочется,

что и скрыть этого по-настоящему не можешь...

В пользу революционности подлинных намерений Касьянова и Ко говорит в том числе и апрельская встреча в Киеве заместителя лидера РПР-ПАРНАС И. Яшина с руководителем «Самообороны Майдана» А. Парубием. Она была посвящена рассмотрению именно революционного сценария и обмену опытом по организации «оранжевых переворотов».

Больших надежд на приход к власти через выборы не возлагает и главный партнёр «парнасовцев» по демкоалиции А. Навальный.

28 мая в спецвыпуске программы «Лицом к событию», подготовленном «Радио Свобода» совместно с «Голосом Америки», Д. Гальперович задал Навальному вполне конкретный вопрос: *«Вы будете создавать условия для возникновения массового ненасильственного протеста [в России]?»*

И получил от собеседника исчерпывающий ответ: *«Я этим занимаюсь. Это часть моей ра-*

боты... Моя задача — приближать этот момент и пытаться сделать так, чтобы транзит власти всё-таки произошёл более-менее мягко... Однако же... я сам многократно заявлял: власть сменится не в результате выборов, электоральная борьба не является главной и единственной, но это один из важнейших элементов».

Какое место в своей «работе» отводят внесистемные либералы электоральной борьбе, продемонстрировала их кампания по выборам в Законодательное собрание трёх российских областей (Новосибирской, Калужской и Костромской).

Уже в мае-июне лидеры демкоалиции (М. Касьянов, А. Навальный, И. Яшин и В. Милов) начали совершать «ознакомительные» поездки в эти регионы, в ходе которых велась агитация за списки оппозиционных кандидатов.

Общаясь с избирателями, оппозиционеры старались обходить «крымскую тематику», по-

нимая, что в этом вопросе поддержки им явно не получить. Ведь лозунг внесистемных либералов о «необходимости вернуть Крым Украине» не встречает понимания у преобладающей части населения России. И во многих городах непрошеным гостям устроили пикеты с лозунгами «Касьянов — предатель», «Навальный — агент Госдепа».

Поэтому основными темами либеральной агитации были: изменение налоговой системы, перераспределение властных полномочий и доходов между федеральным центром и регионами (в пользу последних), обвинения российской власти в неэффективности проводимой экономической политики. То есть оппозиция попыталась увеличить свой электорат в регионах за счёт активизации протеста населения против местных властей и нагнетания антимосковских настроений.

Как заявлял сам Касьянов, главный лозунг осенней выборной кампании — «Больше полномочий и средств на местах!», и в случае прохож-

дения кандидата от РПР-ПАРНАС в региональный парламент Госдуме будет предложен «законопроект об изменении управления страной».

Таким образом, темы, избранные либеральной оппозицией для предвыборной агитации, явно созвучны настроениям части региональной элиты, ратующей за обособление от федерального центра. Напомним, что на подогрев этих настроений были нацелены и демарши белоленточников 2011–2012 годов, во время которых выдвигались такие лозунги, как «Хватит кормить Москву!» и «Хватит кормить Кавказ!».

Обратим внимание на то, что, как и во время «снежной революции», свою лепту в нынешнюю пропагандистскую кампанию внесли некоторые известные либеральные публицисты.

Например, 18 августа экономист и социолог В. Иноземцев на своём сайте выступил со статьёй «Невозможность распада», в которой разбирались причины разрушения СССР и потенциальные угрозы территориальной целостности совре-

менной России. С одной стороны, автор поставил под сомнение описанные некоторыми западными журналистами возможные сценарии распада Российской Федерации, а с другой — предложил свой... *«самый привлекательный вариант»*. При этом В. Иноземцев использовал уже не раз описанную в своих работах модель развития России (как *«классической колониальной державы»*), в рамках которой Москва захватывала и угнетала окраины.

Цитата: *«Этот вариант можно назвать сценарием «антимосковской фронды»... Единственной достойной программой российских сепаратистов может быть не отделение от Москвы, а подчинение её их воле... Россия в её нынешних границах представляет собой конгломерат Московии и её поселенческих колоний. Задача состоит, на мой взгляд, в возрождении самосознания и локальных идентичностей граждан в разных частях этого странного образования; в том, чтобы регио-*

ны, вносящие основной вклад в экономическое благосостояние страны, выдвинули Москве условия, на которых они согласны принимать управление со стороны центра...»

Подчеркнём, что именно такую линию проводили в своей предвыборной агитации внесистемные либералы. И не случайно в новосибирском списке кандидатов демкоалиции оказался сторонник независимости Сибири А. Лоскутов.

Активное участие в осенней выборной кампании принял Фонд «Открытая Россия» М. Ходорковского, подготовивший за прошедшее лето в рамках проекта «Открытые выборы» порядка 800 волонтёров для работы наблюдателями на избирательных участках.

Обратим внимание на то, что результаты выборов (прошедших 13 сентября в 84 субъектах РФ) оказались для внесистемной оппозиции просто разгромными. Только в Костромской области был допущен к голосованию список демкоалиции (во главе с И. Яшиным), который не набрал

и двух процентов голосов. В остальных регионах списки были забракованы из-за большого количества недостоверных подписей.

Таким образом, миф о популярности в провинции либеральной оппозиции (заявлявшей о наличии своего регионального электората в размере от 10 до 30%) рухнул окончательно. При этом, как утверждают эксперты, *«доля местных кандидатов у РПР-ПАРНАС в Костроме составляла лишь 20%, остальные — десант из столицы».*

Однако, несмотря на такой плачевный результат, демкоалиция готовится к будущим антивластным акциям и думским выборам, налаживая с этой целью коммуникации с потенциальными союзниками на «протестном поле». И здесь могут появиться небезопасные для страны политические альянсы.

Альянс № 1 — между белоленточниками и КПРФ.

Ещё в начале сентября в СМИ появились со-

общения о том, что во время выборной кампании в Костроме произошла встреча А. Навального, кандидатов от РПР-ПАРНАС, представителя областного отделения КПРФ и 1-го секретаря посольства США. Причём коммунисты категорически отвергали встречу с сотрудниками американского посольства и подтверждали контакты с руководством штаба РПР-ПАРНАС, во время которых, якобы, обсуждалась *«совместная работа наблюдателей в день выборов»*.

То есть наблюдатели от КПРФ совместно с волонтерами, подготовленными Фондом Ходорковского, должны были следить за «прозрачностью выборов». Возможно, в этом нет ничего предосудительного (так заявили коммунисты). Но, как мы помним, контакты белоленточников и коммунистов между собой, а также с сотрудниками американского посольства происходили во время протестов 2011–2012 годов. И, естественно, возникает вопрос: не является ли данная встреча прологом к участию представителей

КПРФ в будущих протестных акциях внесистемной либеральной оппозиции?

Альянс № 2 — между членами демкоалиции и частью российских независимых профсоюзов.

18 сентября на сайте «Открытой России» был представлен новый спецпроект «Право на солидарность». В рамках данного начинания освещена история польского профсоюза «Солидарность» и его роль в *«падении коммунистического режима в Польше»*. Всё это сопровождается интервью бывшего профсоюзного лидера и первого польского президента Л. Валенсы, специально отобранной документальной хроникой.

Но этим всё не ограничивается.

Далее на сайте М. Ходорковского делается заявка на поддержку в России «настоящих свободных и независимых профсоюзов», не связанных с нынешней российской властью. И в качестве примеров рассматриваются несколько организаций в регионах, не вошедших в провластную Федерацию независимых профсоюзов России (ФН-

А 2 октября в Москве прошла презентация книги «Михник — Навальный: диалоги». Это произведение было написано на основе бесед, состоявшихся ещё в апреле 2015 года, между одним из лидеров «Солидарности» А. Михником и российским оппозиционером. Среди затронутых тем — *«опыт борьбы с репрессивным режимом, борьба с коррупцией, преодоление раскола внутри оппозиционного движения»*.

Таким образом, внесистемная либеральная оппозиция готовится при помощи своих зарубежных союзников и спонсоров привлечь для «давления на власть» часть левого электората и профсоюзного движения. И в случае успеха данного спецпроекта осуществить проведение «политической реформы», которая разрушит российскую государственность. Противодействие такому развороту событий — наш гражданский долг.

Эдуард Крюков